

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

«ФОНТАНКА»

№ 11. 2012 год

Содержание

К читателю 3

Память места

А. А. Абакумов и Н. Е. Абакумова.
Генералы 1812 года:
петербургские адреса. 5

Родословные

Е. М. Седов.
Мои предки Забелины и Бегровы.
Предисловие Р. Н. Гараевой . . 26

Родки

В. В. Антонов.
Корсини в Петербурге 47
В. Г. Исаченко.
Архитектор Главного штаба
В. П. Стаценко 59

Золотые кладовые:

Библиотеки, архивы, музеи
А. А. Порунова.
Ю. М. Шокальский:
взгляд из Музея Арктики
и Антарктики. 62

Загородная жизнь

С. И. Дымиши, Н. А. Шаталова.
Костел Пресвятой Девы Марии
Кармельской в Гатчине:
к 100-летию освящения 72

Проба пера

А. Ю. Шашкова.
К. А. Шильдер. «...Такого второго
не будет и по знанию,
и по храбрости» 80

Редакция альманаха

Бушина Светлана Сергеевна
Волкова Светлана Анатольевна
Нижанковская Лидия Геннадиевна
Рудая Зинаида Абрамовна (отв. ред.)
Савельева Александра Викторовна
Шубина Елена Ивановна

Редакционный совет

Аксельрод Владимир Ильич
Кузнецова Татьяна Валентиновна
Молкина Ольга Ивановна
Орлова Валентина Трофимовна
Сергеева Ирина Михайловна

Фонтанка: культурно-исторический альманах /
ЦГПБ им. В. В. Маяковского. – СПб., 2012. – № 11. – 92 с.

- © ЦГПБ им. В. В. Маяковского
- © Дизайн Людмилы Пивоваровой
- © Художник Виктор Гузенюк
- © Издательство «Северная звезда», оригинал-макет, 2012

Контактная информация:

Центр петербурговедения ЦГПБ им. В. В. Маяковского
191025, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 44-46
Тел.: 310-36-58
E-mail: petroinf@pl.spb.ru
<http://www.pl.spb.ru>; <http://www.mirpeterburga.ru>

Формат издания 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Гарнитура «Петербург»
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Северная звезда»
196128, Санкт-Петербург, Варшавская ул., д. 23, к. 1.
Тел. 388-93-41; e-mail: tozvezda@yandex.ru

К читателю

Одиннадцатый выпуск открывает юбилейный 2012 год, богатый на знаменательные исторические даты, из которых главная, разумеется, – годовщина Отечественной войны 1812 г. «Время незабвенное, время славы и восторга», – так современник событий А. С. Пушкин определил эту эпоху. В обширной литературе, посвященной войне против Наполеона, не так много внимания уделяется роли Петербурга и петербуржцев, защите столичного города, героическому Петербургскому ополчению, поэтому в 2012 г. в альманахе эта тема будет ведущей.

Открывает альманах статья Абакумовых, посвященная памятным местам генералов 1812 г. в нашем городе, большую ценность представляет составленная авторами таблица адресов, многие из которых, обнаруженные в адресных книгах, впервые приводятся авторами. В основе публикации – дипломная работа, подготовленная инженером А. А. Абакумовым и преподавателем истории Н. Е. Абакумовой в Университете Петербурга.

Другой автор – студентка юношеского отделения этого же университета – А. Ю. Шашкова подготовила статью о еще одном военачальнике, К. А. Шильдере; работа опубликована в рубрике «Проба пера».

Петербург справедливо называли военной столицей. Занимаясь своей родословной, архитектор Е. М. Седов, потомок художника Бегрова, среди предков по обеим линиям обнаружил многочисленных сухопутных и морских офицеров. Мы надеялись на долгое сотрудничество с Е. М. Седовым; к сожалению, его не стало. Памяти чудесного благородного человека мы посвящаем эту публикацию.

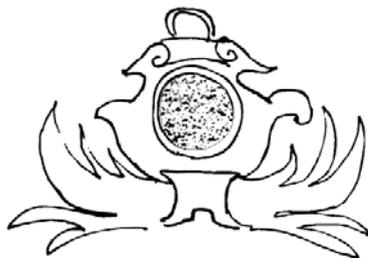
Украшением альманаха являются статьи профессиональных исследователей, не исключение и данный выпуск: в рубрике «Зодчие» заинтересованный читатель с удовольствием прочтет статьи наших любимых авторов В. В. Антонова и В. Г. Исаченко, посвященные малоизвестным архитекторам Петербурга.

На страницах альманаха появляется история науки – важной составной части образа Петербурга. Сотрудник музея Арктики и Антарктики А. А. Порунова рассказывает о судьбе и научном вкладе выдающегося ученого Ю. М. Шокальского.

Благодаря статье, присланной из библиотеки Художественного училища им. Н. К. Рериха, мы открываем новую долгожданную рубрику «Загородная жизнь», в которой надеемся опубликовать статьи об известных и забытых пригородах Петербурга, без которых немислим наш город. Статья посвящена католическому собору в многонациональной Гатчине.

Надеемся, что альманах будет интересен читателям и, как всегда, приглашаем к сотрудничеству.

Редакция

Министерство культуры

*Алексей Александрович Абакумов,
Наталья Евгеньевна Абакумова*

Генералы 1812 года: петербургские адреса

Юбилей Отечественной войны 1812 года позволяет заново осознать многообразие достопримечательностей нашего города, посвященных победе русского оружия. Памятники перед Казанским собором, Дворцовая площадь с Александровской колонной, Нарвские триумфальные ворота давно стали символами Петербурга.

Но краеведческие сюжеты, связанные с «грозой Двенадцатого года» и пребыванием героев войны в военной столице, разработаны неполно. Только М. И. Кутузов и П. И. Багратион удостоились отдельных изданий в серии «Выдающиеся деятели науки и культуры в Петербурге/Петрограде/Ленинграде». Вместе с тем понятно, что в столице проживали многие военачальники кампаний 1812, 1813, 1814 гг.

Приводим биографии нескольких героев войны, выбрав для данной публикации петербургских ополченцев А. А. Бибикова и Д. М. Мордвинова, военного хирурга Я. В. Виллие, топографа К. Клодта фон Юргенсбурга, дипломата и доверенного порученца Александра I А. Д. Балашова¹.

В обширной литературе читатель найдет воспоминания, отзывы о наших героях. Разные люди, они все в 1812–1814 годах вписали славную страницу нашей истории, которая стала потом называться «Отечественная война Двенадцатого года».

Александр Александрович БИБИКОВ (1765–1827)

В Военной галерее лишь один генерал изображен со знаменем в руках – начальник петербургского ополчения Александр Бибилов. Тем самым подчеркнут особый статус воинского формирования, которым руководил наш герой.

Традиция созыва ополчения восходит к важнейшей странице отечественной истории, во многом несущей символическое значение, – к народному войску Минина 1612 года. Поэтому и знамя, которое держит Бибилов, повторяет стяг первого христианского

императора Константина – белое полотнище, восьмиконечный крест и надпись около него: «Сим победиши».

К сожалению, в массовом сознании образ ополченца 1812 года может ассоциироваться с графом Нуриным из кинофильма «Гусарская

¹ Полностью биографические очерки представлены в книге: *Абакумов А. А., Абакумова Н. Е.* Петербургские адреса генералов-участников войны 1812 года. – СПб., 2012. – 77 с. (Книга написана на основе дипломной работы авторов в Университете Петербурга.)

баллада». Но таковы законы жанра – в комедии важна роль самодовольного глупца, это ампула и досталось графу. От внимания зрителя почти ускользает факт, что героиня фильма Шура Азарова по сути та же ополченка.

С прагматической точки зрения смысл ополчения 1812 года можно выразить в нескольких словах. Содержание регулярной армии для государства – дело чрезвычайно затратное. Но если в обществе возникает патриотический порыв, то на частные деньги (дворянско-купеческие) оплачивается сбор, обмундирование, вооружение, снабжение, питание, жалование рядового состава добровольцев, в нашем случае – мещан, крепостных крестьян и дворовых людей. (Офицерский состав, то есть дворяне, жалования в ополчении не получали.) Государство лишь выделяет строевых офицеров для обучения добровольцев навыкам военного дела и взаимодействия с частями регулярной армии.

Петербургское дворянство приняло решение об организации городского ополчения 17 июля 1812 года, тогда же его руководителем был выбран М. И. Кутузов. Ближайшим помощником Михаила Илларионовича стал отставной офицер, к тому времени имевший штатский чин тайного советника, Александр Бибиков, племянник Кутузова.

Александр Александрович – сын победителя Пугачева генерал-аншефа Александра Ильича Бибикова, родился в Петербурге в 1765 г. Принимал участие в войне со Швецией 1789 г., был награжден орденом св. Георгия IV степени, в 1795 году перешел в штатскую службу, в Министерство иностранных дел. С 1801 года в отставке, но в годы так называемой второй войны с Наполеоном, в 1806 г. занимался сбором ополчения в Ораниенбаумском уезде.

Надеемся, читатель понимает, что основные трудности при формировании дружин добровольцев – организационно-финансовые. Плюс фактор времени. Можно ведь «освоить» деньги и через год, когда ополчение как воинская сила будет уже не нужно.

Все эти трудности Кутузов и Бибиков преодолели. За три недели было собрано четыре миллиона рублей, из них два миллиона дало купечество. А за период с 17 июля по 3 сентября обмундированы, поселены в казармах, вооружены, прошли начальные этапы военной подготовки 12 000 человек петербургского ополчения.

3 сентября в присутствии государя на Семеновском плацу состоялся молебен и принятие присяги народным войском. На следующий день первый его отряд под командованием Бибикова отправился в Белоруссию, на соединение с корпусом Витгенштейна. 5 сентября туда же двинулся второй отряд под командованием генерал-майора Бегичева. Переход длился месяц, с 4 октября дружины ополченцев начали входить резервными батальонами в полки Витгенштейна, которые готовились к штурму Полоцка.

Он начался 6 октября и сопровождался большими потерями из-за наличия в городе доминирующей высоты. Но 8 октября ратники вместе с регулярной армией вошли в Полоцк.

(С отъездом Кутузова в первой декаде августа в действующую армию начальником петербургского ополчения стал граф П. И. Меллер-Закомельский, который пробыл на этом посту до начала октября. Затем ополчение возглавил Бибиков.)

После взятия Полоцка войска Витгенштейна начали преследование французов, и дружины ополчения участвовали в делах у Чашников 19 октября и 1 ноября под Смольной (другое написание – Смоляны). Там Бибикова ранило пулей в ногу, но расположения войск он не покинул. Последние сражения на белорусской земле ополченцы провели у Березины 15 и 16 ноября.

Потери убитыми, ранеными, обмороженными среди добровольного войска оказались значительными. А. Михайловский-Данилевский указывает, что из 12 000 покинувших в сентябре Петербург границу в декабре перешли только 900 человек.

Двигаясь вместе с армией, ополченцы принимали участие в занятии крепостей Восточной Пруссии – Кенигсберга, Пиллау, Данцига. Становилось, однако, понятно, что основная цель собранного войска достигнута – Наполеона изгнали за пределы Отечества.

Поскольку рана продолжала тревожить Бибикова, он 8 августа 1813 года попрощался перед строем со своим отрядом и передал управление генералу Адаурову. В январе 1814 года последовал указ Александра I о роспуске петербургского ополчения. Свой парад Победы у ополченцев состоялся 12 июня 1814 года на Исаакиевской площади перед старым, еще ринальдиевским собором. Был отслужен торжественный молебен, и бородатые ратники вернулись к семьям.

Александр Александрович после войны на государственной службе не состоял, жил барином, путешествовал, собрал большую коллекцию живописи. Скончался Бибиков в 1827 году в Дрездене, похоронен на фамильном месте Лазаревского кладбища Александро-Невской лавры.

Нам пока известен только один петербургский адрес Бибикова: в 1800-е – 1820-е годы ему принадлежал дом по современному адресу наб. Фонтанки, 54. Дом не сохранился. Штаб петербургского ополчения в июле–августе 1812 года располагался в доме барона Раля, современный адрес: набережная Адмиралтейского канала, 29. Дом сохранился с небольшими перестройками. У этого уголка старого Петербурга особое обаяние. Тихий канал, Новая Голландия напротив. Все это почему-то позволяет легко представить, как здесь в конце августа 1812 года офицерам ополчения вручались знамена, которые потом увидели и Полоцк, и Кенигсберг.

Дмитрий Михайлович МОРДВИНОВ (1772–1848)

Специалист по русским до-революционным орденам, просмотрев на награды Мордвинова, безусловно, сделает вывод, что строевым генералом наш герой никогда не был, поскольку у него нет самого распространенного наградного «атрибута» генерала действительной службы – звезды ордена св. Анны I степени. Все награды Дмитрия Михайловича – Владимир IV степени, медали в память милиции 1807 г. и в память 1812 г. Но есть еще почетный боевой орден св. Георгия IV

степени. Тем интересней узнать о судьбе этого человека. Дело в том, что Мордвинов, как и А. А. Бибииков, – представитель петербургского ополчения.

Родился Дмитрий Мордвинов в Петербурге в семье генерал-инженера Михаила Мордвинова, соученика по Кадетскому корпусу фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского. Отец его некоторое время состоял директором Артиллерийского и инженерного (позже 2-го) кадетского корпуса. Воспитание Дмитрий получил в родительском доме, действительную военную службу начал проходить только с 1794 года, в гвардии. Дослужив к 1801 г. до звания капитана, перешел в штатскую службу. Вся его дальнейшая мирная деятельность связана с Горным департаментом. Судя по тому, что нам не удалось обнаружить упоминаний о Мордвинове как о специалисте горного дела, это не было его призванием, а скорее обязанностью, которую он исполнял, впрочем, аккуратно и длительное время – с 1802 до конца 1830-х годов. Но в 1806 г., во время так называемой второй войны с Наполеоном, манифестом Александра I был объявлен сбор земского ополчения – милиции. Мордвинов, как отставной военный, принял деятельное участие в организации милицейского войска Петербурга. Однако поехать его дружина не успела: был заключен мир в Тильзите. Именно за участие в подготовке дружины Мордвинов получил орден св. Владимира IV степени и золотую медаль в память милиции 1807 г.

Дмитрий Михайлович продолжал исполнять свои обязанности в Горном департаменте, но Отечественная война опять призвала его под знамена ополчения. Создание и участие в боевых действиях петербургского добровольного войска – отдельная и славная страница Отечественной войны. Оно созывалось по манифесту Александра I, текст которого в основном был написан А. Шишковым. И двести лет спустя звучат набатом его слова: «Да встретит враг в каждом дворянине – Пожарского, в каждом гражданине – Минина, в каждом духовном – Палицына! С крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие нас не остановят!»

10 августа 1812 года Мордвинов был назначен начальником 5-й дружины Петербургского ополчения. Через Порхов, Великие Луки,

Невель дружины ополчения в конце сентября подошли к Полоцку, занятому французами. 6 октября П. Витгенштейн начал сражение за Полоцк. Здесь Дмитрий Михайлович провел свой первый и последний в жизни бой. При отражении атаки французской конницы картечь раздробила ему правое колено. Ночь тяжелораненый Мордвинов пролежал под открытым небом у крестьянской избы, утром ногу ампутировали.

За этот бой он был награжден орденом св. Георгия IV степени. Повелением Александра I за ним была сохранена прежняя должность в Горном департаменте и присвоен армейский чин генерал-майора. Всю оставшуюся жизнь Мордвинов прожил в Петербурге.

Известно три петербургских адреса генерала-ополченца. С детства и до войны 1812 года Мордвинов жил в родительском доме на Васильевском острове. В книге Г. Никитенко² участок, где он стоял, показан по адресу 10-я линия, 15-а. После войны, судя по книге Аллера, Мордвинов переселился почти напротив, на 11-ю линию, участок современных домов 22–26. Помимо особняка, на участке в то время располагался громадный сад, и не надо объяснять, какую роль он играл в жизни малоподвижного инвалида. Оба василеостровских дома Дмитрия Михайловича не сохранились.

В 1840-е годы генерал переехал в Литейную часть, по современному адресу: улица Рылеева, 5. Это здание дошло до нашего времени в перестроенном виде.

Похоронен генерал на Лазаревском кладбище Александроневской лавры.

² Никитенко Г. Ю., Соболев В. Д. Василеостровский район. – СПб., 1999.

Яков Васильевич ВИЛЛИЕ
(1768–1854)

Военный хирург Я. В. Виллие долгое время жил на Английской набережной, в доме № 74. Этот дом – один из старейших в нашем городе. Он построен в 1736–1738 гг. для заводчика Н. Демидова по проекту «дома для именитых». Позже, в 1820-х и 1890-х гг. дом перестраивался, но сохранил свой внешний вид и первоначальную отделку сводов над помещениями 1-го и 2-го этажей.

Портрета Я. Виллие в Военной галерее нет, но изображение – есть. Якова Васильевича можно увидеть на картине баварского художника

П. Хесса оказывающим помощь Багратиону на поле Бородинского сражения. Виллие по праву можно считать одним из героев войны 1812 года.

В Россию шотландец Яков Васильевич Виллие, тогда еще Джеймс Уайли, прибыл в 1790 г. после окончания медицинских факультетов Эдинбургского и Абердинского университетов. Начал службу в России старшим полковым врачом в Елецком пехотном полку. Но эта должность оказалась «тесна» талантливому шотландцу. В 1799 г. он уже лейб-хирург, с 1800 г. – доктор медицины и хирургии. Обязательно надо отметить его службу в Медицинском департаменте, который он возглавил в 1812 г., и его деятельность на посту начальника Медико-хирургической академии (ныне – Военно-медицинская академия) с 1808 по 1838 г.

Но нас больше интересует участие Виллие в Отечественной войне. Еще в 1806 г. он написал «Краткое наставление о важнейших хирургических операциях», которое было разослано всем военным и гражданским врачам. Позднее, по его указаниям, был выработан «Регламент о военно-временных госпиталях и положения для летучих и подвижных госпиталей». Эти труды во многом способствовали

успешной организации медицинской службы во время войны. А сам Виллие участвовал в боях под Витебском, Смоленском, Тарутино, Малоярославцем, Красным. В Бородинском сражении он по приказу Кутузова находился в центре позиции, сделав лично около 80 операций.

Виллие был не только блестящим хирургом, но и отличным организатором. Своевременная и квалифицированная медицинская помощь во время битвы при Бородине – его достижение. Например, как указывали современники, «до Москвы расставлены были по станциям лекари как для пересмотра раненых, так и для того, чтобы никто из них не остался на пути сем без помощи». Кутузов высоко ценил квалификацию Якова Васильевича, не подписывал без согласования с ним ни одного приказа, касавшегося медицинского обслуживания войск. Еще один пример организаторской деятельности Якова Виллие – создание полевых госпиталей во время «Битвы народов» при Лейпциге. В них были размещены около 40 тысяч раненых с обеих сторон. За это доктора наградили орденами Австрии, Пруссии, Франции, Баварии, Вюртемберга.

Отметим также, что во время войны в войсках находилось более семисот выпускников и слушателей возглавляемой им Медико-хирургической академии. Виллие до конца жизни оставался в нашем городе, он похоронен на Волковском лютеранском кладбище. Могила сохранилась. Памятником знаменитому военному медику является не только скульптура, стоящая во дворе Военно-медицинской академии, но и один из корпусов академии, который в плане представляет латинскую букву W.

На этом можно и закончить рассказ о Якове Виллие, но краеведение предоставило нам еще один сюжет.

Дома, расположенные по Английской набережной, 74 и, соответственно, по Галерной улице, 77, с конца XVIII века традиционно использовались для проживания придворных медиков. В XIX веке на Галерной жил знаменитый С. П. Боткин, тут провел свои молодые годы его сын Евгений, будущий личный врач семьи Николая II. Вместе с царской семьей Евгения расстреляли в Екатеринбурге. Но вот что интересно. У Виллие снимал квартиру в одном из дворовых флигелей другой лейб-медик – Александр Бланк. Здесь в 1835 году у него родилась дочь Мария. А ее сын – Владимир Ульянов – способствовал тому, что из нашего лексикона исчезло само понятие лейб-медика. Как заметил А. С. Пушкин, «бывают странные сближения...»

Карл Федорович КЛОДТ ФОН ЮРГЕНСБУРГ
(1765–1822)

Короткая немецкая фамилия Клодт давно заняла свое почетное место в истории русской культуры. Один из ее представителей, Петр Карлович, – великий скульптор, без творений которого невозможно представить наш город. Но Клодты остались и в военной истории России. Отец скульптора, Карл Федорович Клодт фон Юргенсбург, – активный участник войны 1812 года, его портрет находится в Военной галерее Зимнего дворца.

Основная военная специальность Карла Клодта – офицер квартирмейстерской части (в современных терминах – офицер штаба). Более узкая специализация – топографическая съемка местности и составление карт. Этим он занимался в штабах различных корпусов с 1787 г. Принимал участие и непосредственно в боевых действиях – против турок в 1807 и 1810 гг. Войну 1812 года Клодт встретил обер-квартирмейстером в 7-м пехотном корпусе Н. Раевского. 24 и 26 августа он вел в бой батальоны под Шеварино и на батарее Раевского. За участие в этих сражениях был награжден алмазными знаками к ордену св. Анны II степени. Принимал участие в боях под Тарутино и Малоярославцем. Чин генерал-майора получил за участие в «Битве народов» под Лейпцигом в октябре 1813 года.

В «Записках» Н. Греча, его дальнего родственника, говорится о Карле Федоровиче как о порядочном, честном и добродушном человеке. Он прекрасно рисовал и хорошо играл на виолончели. После войны судьба оказалась к нему неблагоприятна. Придирки

бывшего товарища, а теперь непосредственного начальника по Главному штабу К. Толя вылились в назначение его на штабную работу в Сибирь. У Клодта было восемь детей, и он не мог подать в отставку: бароном он был лишь «по фамилии», а не по «капиталу».

Генерал скоропостижно скончался в Омске в 1822 году. Семья его, находившаяся в Петербурге, оказалась в весьма бедственном положении.

Вернемся к петербургскому периоду жизни Клодта. Он жил в нашем городе приблизительно с конца 1790-х годов по 1816 год. За вычетом походов, конечно. Греч указывает, что Клодты жили в доме Копейкина по Большому проспекту Петербургской стороны, на углу Каменноостровского проспекта. Как и большинство построек на окраине города, дом был деревянный, с палисадником и воротами, к тому времени (около 1810 г.) весьма старый. Греч пишет, что к середине XIX в. его уже не существовало, а место, где он стоял, стало частью площади (ныне – пл. Льва Толстого).

Мы возьмем на себя смелость не согласиться с мнением Г. Ю. Никитенко и В. Д. Привалова, которые в своей книге связывают имя К. Клодта с участком дома 75/35 по Большому проспекту Петроградской стороны³. Судя по плану Шуберта, дом Копейкина (№ 1144) располагался ближе к зданию современного Дома мод. Значит, разумней закрепить за ним участок дома 98 по Большому проспекту (несколько лет назад он обозначался под № 98/35-б), а еще верней – часть площади Льва Толстого перед ним. Будем считать особым знаком, что место, где жил топограф, само стало топонимом.

³ Никитенко Г. Ю., Привалов В. Д. Петроградская сторона. Большой проспект. – М., 2011.

Александр Дмитриевич БАЛАШОВ
(1770–1837)

К началу Отечественной войны А. Д. Балашов входил в ближайшее окружение Александра I и обладал опытом административной работы на крупных должностях. Он уже успел побыть обер-полицмейстером столицы (1808–1809), генерал-губернатором и министром полиции (1810–1812). Поэтому, числясь в свите государя, генерал не принимал непосредственного участия в боевых действиях, а исполнял различные дипломатические и организационные поручения.

Самый громкий эпизод из деятельности Балашова в это время также вошел в «Войну и мир» и известен нам благодаря Толстому практически целиком. Балашов привез формальное предложение Александра Наполеону о мирных переговорах в случае полного возвращения французских войск за Неман. Но сделать уже ничего было нельзя, и Россия оказалась втянутой в войну.

Отметим другой, менее известный эпизод. Балашов входил в число тех трех человек, которые в Дрисском лагере уговорили Александра I покинуть армию. Письмо к царю составил адмирал А. С. Шишков, а Балашов и Аракчеев подписали его. Поступок требовал известной смелости, а это значит, что в критические минуты Александр Дмитриевич не боялся принимать ответственные решения.

И совсем не многие знают о поездке генерала в Италию на переговоры с Мюратом в марте–апреле 1814 года. Трения между «королем неаполитанским» и Наполеоном возникли еще в 1813 году. Александр I, зная об этом, послал Балашова в Италию с целью

убедить Мюрата «отложиться» от Наполеона. Когда Александр Дмитриевич прибыл в Болонью 17 марта, выяснилось, что за несколько дней до этого «король» принял подобное решение сам.

Послевоенная жизнь Балашова не достигла прежних высот. В 1819 году он не министр и не в Петербурге. Он занял высокую, но очень напоминающую почетную отставку должность губернатора Орловской, Тульской, Воронежской, Рязанской и Тамбовской губерний. В Рязани Балашов прожил восемь лет, после чего покинул государственную службу.

Обе его казенные квартиры и обер-полицмейстера, и генерал-губернатора располагались на Большой Морской, сначала в доме 22, затем он переехал в дом 38 (адреса современные), который в дальнейшем и приобрел статус официальной резиденции генерал-губернатора Петербурга.

Известен его петербургский адрес в 1835–1837 годах: это собственный дом по современной набережной Кутузова, 18. Дом сохранился, но сильно перестроен.

Александр Дмитриевич подолгу жил в своем имении в селе Шапки (ныне Тосненский район), где построил усадьбу с господским домом, службами и прекрасным парком.

В 1837 году он собрался за границу лечиться на водах, но доехал только до Кронштадта, где скончался. Балашов был похоронен в Покровской церкви села Шапки. В 1944 г. ее при отступлении взорвали фашисты. Сейчас на фундаменте церкви стоит магазин, а рядом с ним поставлен деревянный крест в память об А. Д. Балашове.

Ниже приводим несколько примеров из обширной таблицы петербургских адресов известных участников войны.

Для составления таблицы авторы использовали в первую очередь замечательное художественное собрание нашего города – Военную галерею Зимнего дворца, откуда взят основной массив из 346 фамилий, дополненный так называемым «списком Висковатова» – это 79 человек, по тем или иным причинам не попавшие в утвержденный Александром I перечень портретируемых. Авторы добавили еще два имени – основателя Военно-медицинской академии Я. Виллие и командующего Дунайской армией П. В. Чичагова, «обойденных» и галерей, и Висковатовым.

Поиск адресов велся по адресным книгам Петербурга первой половины XIX века и по многочисленным изданиям современной краеведческой литературы.

Исторический период пребывания того или иного генерала по найденному адресу конкретизировался нами только при наличии ссылки на исследовательскую работу. В противном случае авторы взяли на себя смелость оставить размытые временные рамки. Для адресной книги Реймерса (1809 г.) ставится период «1800-е гг.», для книги Аллера (1822 г.) – «1820-е гг.», для книги Нистрема (1837 г.) – «1830-е гг.», для атласов Нистрема и Цылова (1844 г., 1849 г.) – «1840-е гг.».

Написание фамилий генералов, годы их жизни даются по энциклопедии «Отечественная война 1812 года» (М., РОССПЭН, 2004).

Известную трудность при переводе исторического адреса в современный доставили размеры участков, на которых стояли дома в XIX веке, и особенности городской планировки. То есть исторический адрес иногда возможно соотнести сразу с несколькими современными адресами, в рамках данной работы мы везде указываем лишь один адрес. Графа «исторический адрес» оставалась незаполненной нами в тех случаях, когда адрес был обнаружен в современной краеведческой литературе.

В таблицу по преимуществу включались «прямые» адреса, то есть либо непосредственное домовладение, либо четкая ссылка на

место жительства по адресной книге. В тех случаях, когда адресная книга сообщает о проживании офицера в казармах полка, нами даются общие ссылки на места размещения полков, которые хорошо известны в Петербурге.

Многие генералы заканчивали петербургские военные учебные заведения или преподавали в них. То есть адреса военных училищ являются их «косвенными» петербургскими адресами. Эту информацию мы приводим здесь списком.

1-й Кадетский корпус закончили следующие генералы – участники войны 1812–1814 гг.: И. А. Аргамаков, А. В. Богдановский, А. Ю. Гамен, Я. Е. Гине, А. С. Жемчужников, Ф. В. Зварыкин, И. П. Кульнев, Я. П. Кульнев, И. И. Морков, С. Д. Панчулидзе, А. А. Писарев, Я. А. Потемкин, В. С. Рахманов, Н. Г. Репнин-Волконский, А. К. Ридингер, Ф. В. Сазонов, Н. С. Сулима, К. Ф. Толь, А. С. Уманец, С. А. Хилков, А. А. Хомяков, М. Е. Храповицкий, П. Н. Чоглоков, И. Ф. Эмме.

Преподавал и директорствовал в 1-м Кадетском корпусе М. И. Кутузов.

2-й Кадетский корпус закончили: А. А. Аракчеев, М. М. Бороздин, Г. П. Веселитский, М. И. Дамас, И. С. Дорохов, Г. А. Игнатьев, П. А. Козен, В. Г. Костенецкий, М. И. Кутузов, К. Ф. Левенштерн, А. И. Марков, А. П. Никитин, И. Б. Ререн, И. П. Росси, А. Н. Сеславин, И. Х. Сиверс, К. К. Сиверс, М. Ф. Ставицкий, И. О. Сухозанет, А. С. Шульгин, Л. М. Яшвиль.

Преподавали во 2-м Кадетском корпусе: А. П. Ермолов, М. И. Кутузов, П. А. Клейнмихель, Э. Ф. Сен-При.

В гимназии Чужестранных единоверцев (так называемый Греческий корпус при Артиллерийском корпусе; существовал в 1775–1796 гг.) получили образование: Ф. П. Алексополь, К. М. Балатуков, А. И. Балла, П. Е. Бенардос, Е. И. Властов, Д. Д. Курута, А. Я. Рудзевич.

Морской Кадетский корпус закончили: Л. П. Гейден, А. В. Моллер, П. В. Чичагов, А. С. Шишков.

Пажеский корпус закончили: А. Д. Балашов, А. А. Башилов, Д. С. Дохтуров, И. А. Вельяминов, П. В. Голенищев-Кутузов, И. А. Набоков, И. Ф. Паскевич, Ф. Н. Посников, Е. К. Сиверс, А. П. Тормасов.

Авторы не могут претендовать на полноту сведений и надеются, что эта публикация подвигнет других исследователей на продолжение работы.

Из справочной таблицы петербургских адресов генералов-участников войны 1812 года

Фамилия, имя, отчество, годы жизни	Период	Исторический адрес ⁴	Современный адрес	Сохранность ⁵	Источник
I	II	III	IV	V	VI
Багратион Петр Иванович 1769–1812	1801– 1805	Дом Е. В. Музиной- Пушкиной- Брюс	Дворцовая пл., участок здания Главного штаба	Н	21
	1806– 1807	–	Миллионная ул., 11	П	21, 32
	1808	–	Б. Морская ул., 63	П	12

⁴ В таблице приняты следующие сокращения при обозначении административных частей Петербурга: 1, 2, 3, 4 Адм. ч. – 1-, 2-, 3-, 4-я Адмиралтейские части; Лит. ч. – Литейная часть; Вас. ч. – Василеостровская часть; Выб. ч. – Выборгская часть; Пет. ч. – Петербургская часть; Моск. ч. – Московская часть; Нарв. ч. – Нарвская часть; Рожд. ч. – Рождественская часть; кв. – квартал. Границы административных частей города, а также порядок их изменения в первой трети XIX века читатель может найти в справочной литературе, прежде всего в петербургских энциклопедиях 1992 и 2003 гг.

⁵ Для характеристики сохранности домов введены следующие обозначения: Литера «С» обозначает относительно полную сохранность дома. То есть дом сохранил этажность, облик и, возможно, даже некоторые интерьеры времени проживания в нем соответствующего офицера. «П» означает, что внешний облик дома утрачен (перестроен), но «старые» стены хотя бы частично включены в стоящее ныне здание. «Н» – дом не сохранился. Как правило, под этим подразумевается, что дом был снесен для возведения другой постройки.

I	II	III	IV	V	VI
Балашов Александр Дмитриевич 1770–1837	1808– 1809	Обер-полиц- мейстерский дом	Б. Морская ул, 22	П	12
	1809– 1812	Генерал-губер- наторский дом	Б. Морская ул, 35	С	12
	1830-е	Лит. ч., Воскресенская ул., № 3	Наб. Кутузова, 18	П	53, 30
Барклай де Толли Михаил Богданович 1757–1818	1808– 1810	–	Наб. Фонтанки, участок д. 6	Н	41
Бибиков Александр Александрович 1765–1827	1800-е– 1820-е	Моск. ч., № 148	Наб. Фонтанки, участок д. 54	Н	4
Виллие Яков Васильевич 1768 (либо 1766, либо 1765)–1854	1820-е – 1850-е	1 Адм. ч., Английская наб., № 40	Английская наб., 74	С	4, 65
Воронцов Михаил Семенович 1782–1856	1800-е	1 Адм. ч., 2 кв., в М. Морской, № 119	М. Морская ул., 14	П	61
Закревский Арсений Андреевич 1783 (либо 1786)–1865	1830-е	1 Адм. ч., Ново- Исаакиевская ул., № 7	Исаакиевская пл., 5	П	53

I	II	III	IV	V	VI
Клодт фон Юргенсбург Карл Федорович 1765–1822	1800-е – 1810-е	Дом Копейкина по Большому пр. на углу Каменноостровского пр.	Участок площади Л. Толстого перед д. 35-б/98	Н	20, 73, 52
Кутузов Михаил Илларионович 1747–1813	1798–1812	–	Наб. Кутузова, 30	С	30, 45
Милорадович Михаил Андреевич 1771–1825	1819–1822	1 Адм. ч., № 63, дом Коллержи	Невский пр., участок д. 12	Н	19
	1822–1825	1 Адм. ч., Б. Морская ул., генерал-губернаторский дом	Б. Морская ул., 38	П	19
Мордвинов Дмитрий Михайлович 1773–1848	1800-е	Вас. ч., № 241	10 линия В.О., участок д. 15-а	Н	51, 61
	1820-е	Вас. ч., № 247	11 линия В.О., участок дд. 22–24	Н	4
	1840-е	–	Ул. Рылеева, 5	П	24
Остерман-Толстой Александр Иванович 1771–1857	1810–1826	1 Адм. ч., № 246	Английская наб., 10	С	4, 65
Раевский Николай Николаевич 1771–1829	1820-е	1 Адм. ч., № 153	Б. Морская ул., 61	П	4, 44

I	II	III	IV	V	VI
Чичагов Павел Васильевич 1767–1849	1805– 1809	Лит. ч., Дворцовая наб., № 16	Наб. Кутузова, 8	II	61, 30

Библиографический список

1. *Авгуль Л. Н., Крылова А. В.* Дворец Нарышкиных – Шува-ловых. – СПб., 1996.
2. *Агеев А. Н. и др.* Между Большой Невой и Мойкой. – М., 2005.
3. *Аксельрод В. И., Исаченко В. Г.* Улица Чехова. – М., 2010.
4. *Аллер С. И.* Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга. – СПб., 1822.
5. *Аллер С. И.* Руководство к отыскиванию жилищ по Санкт-Петербургу как прибавление к адресной книге. – СПб., 1824.
6. Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века : справ. – СПб., 1996.
7. *Бастарева Л. И., Сидорова В. И.* Петропавловская крепость. – Л., 1989.
8. *Башуцкий А. П.* Убийство графа Милорадовича // Исторический вестник. – Т. 1. – 1908.
9. *Бройтман Л. И.* Улица Казанская. – М., 2008.
10. *Бройтман Л. И., Дубин А. С.* Улица Восстания. – М., 2005.
11. *Бройтман Л. И., Дубин А. С.* Улица Чайковского. – М., 2003.
12. *Бройтман Л. И., Краснова Е. И.* Большая Морская улица. – СПб., 2005.
13. Военная галерея 1812 года. – СПб., 1912.
14. *Глинка В. М., Помарнацкий А. В.* Военная галерея Зимнего дворца. – Л., 1981.
15. *Глинка В. М.* Пушкин и Военная галерея Зимнего дворца. – Л., 1988.
16. *Глезеров С. Е.* Коломаги вокруг и около. – М., 2008.
17. 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. – М., 1991.
18. *Гордин Я. А.* Мятеж реформаторов. – Л., 1989.
19. *Гордин А. М., Гордин М. А.* Пушкинский век : панорама столичной жизни (Адресный указатель – Л. И. Бройтман). – СПб., 1995.
20. *Греч Н. И.* Записки о моей жизни. – М., 1990.
21. *Грибанов В. К.* Багратион в Петербурге. – Л., 1979.

22. *Друголенский Я. Н.* Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга. – СПб., 2001.
23. Дома рассказывают / сост. И. И. Лисаевич. – Л., 1991.
24. *Дубин А. С.* Улица Рылеева. – М., 2008.
25. *Дубин А. С.* Фурштатская улица. – М., 2005.
26. *Дубин А. С., Бройтман Л. И.* Моховая улица. – М., 2004.
27. *Жерихина Е. И.* Литейная часть от Невы до Кировной. – СПб., 2006.
28. *Иванов А. А.* Дома и люди. Из истории петербургских особняков. – М., 2007.
29. *Иванов А. А.* Петербургские истории: путешествие в прошлое, далекое и не очень. – СПб., 1999.
30. *Иванов А. А.* Набережная Кутузова. – М., 2003.
31. *Иванов Е. П.* Генерал Петр Петрович Коновницын. – Псков, 2002.
32. *Изозик В. С.* Пешком по Миллионной. – СПб., 2004.
33. *Исаченко В. Г., Питанин В. Н.* Литейный проспект. – Л., 1989.
34. Исторические кладбища Петербурга / сост. А. В. Кобак, Ю. М. Пириутко. – СПб., 1993.
35. История памятников архитектуры и градостроительства Москвы, Ленинграда и их пригородов. Вып. 2. Ленинград. – М., 1988.
36. *Керсновский А. А.* История Русской армии. Т. 1. – М., 1992.
37. *Кириков Б. М. и др.* Невский проспект : архитектурный путеводитель. – М., 2004.
38. *Кириков Б. М., Марголис А. Д.* Пионерская площадь. – Л., 1983.
39. *Киселева Т. Ф., Маврина О. Ю.* «В сельце Дворцовом в Шапках...» – СПб., 2006.
40. *Крайванова И. Я.* Генерал А. И. Остерман-Толстой. – М., 1972.
41. *Кудашев Б. М.* Вдоль реки Фонтанной : путеводитель. – СПб., 1997.
42. *Кутузов М. И.* Письма, записки. – М., 1989.
43. *Латин В. В.* Семеновская история. 16–18 октября 1820 года. – Л., 1991.
44. *Лихоткин Г. А.* Ломоносов в Петербурге. – Л., 1981.
45. *Мелентьев В. Д.* Кутузов в Петербурге. – Л., 1979.
46. *Милорадович Г. А.* Анекдоты, черты из жизни графа Милорадовича. – Киев, 1881.
47. *Михайловский-Данилевский А. И.* Император Александр I и его сподвижники. Т. 1–6. – СПб., 1845–1849.
48. *Мурашова Н. В., Мыслина Л. П.* Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Лужский район. – СПб., 2001.
49. *Мурашова Н. В., Мыслина Л. П.* Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Всеволожский район. – СПб., 2008.

50. *Мурашова (Глинка) Н. В., Мыслина Л. П.* Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Тосненский район. – СПб., 2010.
51. *Никитенко Г. Ю., Соболев В. Д.* Василеостровский район. – СПб., 1999.
52. *Никитенко Г. Ю., Привалов В. Д.* Петроградская сторона. Большой проспект. – М., 2011.
53. *Нистрем К.* Книга адресов Санкт-Петербурга на 1837 год. – СПб., 1837.
54. *Нистрем К.* Адрес-календарь Санкт-Петербургских жителей. Т. 1–3. – СПб., 1844.
55. Отечественная война 1812 г. : энциклопедия. – М., 2004.
56. Памятники архитектуры Ленинграда. – Л., 1969.
57. *Подорожный Н. Е.* Кутузов. – Казань, 1942.
58. *Принцева Г. А., Бастарева Л. И.* Декабристы в Петербурге. – Л., 1975.
59. *Пушкин А. С.* Медный всадник. – М., 1981.
60. Пушкинский Петербург / ред. Б. В. Томашевский. – Л., 1949.
61. *Реймерс Г.* Санкт-Петербургская адресная книга. Т. 1. – СПб., 1809.
62. России двинулись сыны. Записки об Отечественной войне 1812 г. её участников и очевидцев. – М., 1988.
63. *Саитов В. И.* Петербургский некрополь: в 4 т. – СПб., 1912–1913.
64. Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград. Энциклопедический справочник. – М., 1992.
65. *Соловьева Т. А.* Английская набережная. – СПб., 2009.
66. *Тарле Е. В.* Наполеон. – М., 1991.
67. *Толстой Л. Н.* Война и мир. – М., 1964.
68. *Цылов Н. И.* Атлас 13 частей Санкт-Петербурга и к нему алфавитный указатель. – СПб., 1849.
69. *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. – Л., 1989.
70. *Чеснокова А. Н.* Невский проспект. – Л., 1985.
71. *Шерих Д. Ю.* По улице Марата. – М., 2004.
72. *Шредер Ф.* Новейший путеводитель по Санкт-Петербургу. – СПб., 1820.
73. *Шуберт Ф. Ф.* Подробный план столичного города Санкт-Петербурга. – СПб., 1828.
74. *Яковченко Р. Н.* Улица Воинова. – Л., 1970.
75. *Яцевич А. Г.* Пушкинский Петербург. – СПб., 1993.

Родословная

*Евгений Михайлович Седов,
архитектор*

Мои предки Забелины и Беггровы

Творческие гены архитектора Седова

Четыре года назад в Краеведческий центр библиотеки им. М. Зощенко в Сестрорецке пришел скромный пожилой человек. Он немного прихрамывал. В руках была небольшая папка. Как оказалось позже – это были акварели с видами зданий в стиле «модерн», половина из которых нам была неизвестна. Евгений Михайлович Седов, архитектор, рассказал о своем увлечении рисованием архитектурных сооружений и мест в Курортном районе, где он отдыхал в течение многих лет. Некоторые здания в то время он писал «с натуры», другие восстанавливал опытной рукой архитектора на бумаге. Перед нами была «ушедшая Атлантида», словно выступающая из дымки былого. Стало понятно, что этот человек не только интересен любителям истории

Сестрорецка, но и сам очень хочет работать с нами. Это была любовь с первого слова. Умный, тонкий, интеллигентный, о таких говорят: «Истинный петербуржец». А как говорит, как рассказывает...

Знакомство с Евгением Михайловичем очаровало. Потом родилась идея пригласить Е. М. Седова на встречу «От всей души», посвященную его жизни и творчеству.

Е.М. Седов у своих акварелей

При подготовке этой программы удалось узнать, что Евгений Михайлович Седов, член Союза архитекторов РСФСР, в 60-е годы XX века принимал участие в проектировании Курортной зоны в нашем районе.

Евгений Михайлович рассказал собравшимся о себе, о том, как он с 1963 по 1976 гг. возглавлял группу эстетики в тресте «Ленинградстрой»*. Тогда был провозглашен лозунг «От культуры быта к культуре производства». Архитекторы, пожалуй, впервые за послевоенные годы могли воплощать в жизнь не стандартные и унылые серийные «хрущевки», а дома с душой, с изюминкой. С тех пор у нас в Сестрорецке стоят дома, названные жителями «Муравейник», «Змей-Горыныч», «Бастилия» и другие.

Евгений Михайлович был знаком с руководителем проектной группы. Сам он проектировал пляж «Ласковый» и детский городок «Солнышко» в поселке Солнечное. Технические возможности тогда были невелики, основным материалом был бетон, но с задачей справились, да так, что японские телевизионщики для своего фильма «Советский Союз – рай для детей» снимали именно их. К сожалению, все задуманное воплотить в жизнь не удалось. Как обычно, или деньги закончились, или заказчик мнение изменил. Тогда на встрече фотографии неосуществленных проектов можно было увидеть

* См.: *Седов Е. М.* Застройка Курортного района // Фонтанка : альманах. 2010. № 6.

на выставке в лекционном зале библиотеки, как и рисунки старых дач Сестрорецка, еще одну любовь Е. М. Седова.

Ну, а что же гены? А они у Евгения Михайловича непростые. Как он сам признался, узнал о своих знаменитых родственниках, будучи уже вполне в почтенном возрасте. В советские времена не принято было афишировать дворянское прошлое. Но тяга к рисованию определена именно генами, которые передались сначала отцу (также архитектору), а затем и ему. Евгений Михайлович – правнук знаменитого петербургского акварелиста и литографа, академика живописи Карла Иоахима Беггрова (1799–1875). На входном билете в Русский музей изображен фасад Михайловского дворца кисти К. П. Беггрова; изображение стало визитной карточкой музея. У Карла Петровича (так переделали на русский лад немецкое имя) было два сына – Александр и Михаил. Оба закончили Николаевское инженерное и артиллерийское училище Морского министерства. Александр стал известным художником-маринистом; Михаил также связал свою судьбу с морем, работая в Морском ведомстве. Дочь Михаила и есть родная бабушка нашего героя. Так протянулась связь времен, ничто не возникает из ничего.

На встрече Евгений Михайлович был торжественно принят в члены краеведческого клуба «Сестроречанин», что было засвидетельствовано вручением членского билета.

По роду своей деятельности Е. М. Седов знал многих выдающихся архитекторов послевоенного времени. Он торопился рассказать об их творческих удачах, которые и сейчас радуют жителей Курортного района и гостей со всего света. Слушая рассказы Евгения Михайловича, мне удалось убедить его поведать об этом всем любителям истории государства Российского, частью которой был и известный род Беггровых. К великому сожалению, в 2010 г. Евгения Михайловича не стало.

В настоящее время в библиотеке им. М. Зощенко изучается творческое наследие члена Союза архитекторов РСФСР Е. М. Седова, и мы надеемся на новые публикации, а пока предлагаем читателю познакомиться с его работой, посвященной своей родословной.

*Раиса Гараева,
зав. отд. краеведения библиотеки им. М. Зощенко*

Интерес к истории моих предков связан с воспоминаниями моей матери, Забелиной Зинаиды Андреевны, о ее детстве. В моей памяти сохранились ее рассказы о пребывании в летнее время в Гельсингфорсе, где ее отец, Забелин Андрей Федорович, находился по долгу службы в военных лагерях. Еще из воспоминаний мамы запомнился рассказ о том, что в музее Адмиралтейства находился портрет ее дяди, участника военно-морских сражений Первой мировой войны 1914–1917 годов. Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов моя мама получила письмо из США от своего дяди. Обстановка в стране не позволила тогда откликнуться на эту попытку установить связь с родственниками, проживающими за рубежом. В рассказах моей матери фигурировала также фамилия Беггровых – родственников по материнской линии, с ними были связаны воспоминания о поездках в детские годы к ним куда-то в Прибалтику. В памяти сохранился ее рассказ о том, что в доме этих родственников всегда на столе стоял кувшин с молоком как свидетельство благополучия в их доме.

Первая запись о моих предках появилась в записной книжке где-то в 1980-х годах, после посещения выставки из фондов Третьяковской галереи в Москве – это имя А. К. Беггрова из группового снимка «Мир искусства». Так появилось желание разобраться в родословной. Мне удалось на один вечер получить в свои руки справочник «Весь Петербург» за 1914 год. Домашний просмотр этого справочника вместе с матерью внес некоторую ясность в многочисленные имена Забелиных и Беггровых, проживавших в Петербурге. Было положено начало поискам в этом направлении, но только с выходом на пенсию мне удалось целенаправленно продолжить эту работу.

Я обратился к ученому секретарю Центрального военно-морского музея и рассказал ему о своем предке, портрет которого экспонировался в музее Адмиралтейства и чье имя я не знал. Он не смог ничего сообщить о существовании этой экспозиции, т. к. при переезде музея в здание Биржи часть экспозиции была утрачена. В справочной литературе музея я обнаружил имя Ивана Федоровича Забелина. Дальнейшие поиски продолжались в Российском государственном архиве военно-морского флота. Из личного дела кадета И. Ф. Забелина

стало известно о его родителях – Федоре Григорьевиче Забелине (моем прадеде) и Александре Павловне Забелиной. Из Российского государственного военно-исторического архива я получил документы о Ф. Г. Забелине, отце Ивана Федоровича, а также моего деда Андрея Федоровича.

Как следует из послужного списка Ф. Г. Забелина, он родился в 1825 году. Происходил из обер-офицерских детей Астраханской губернии, вероисповедания православного. Воспитывался в доме родителей¹.

Федор Григорьевич за 37 лет прошел все ступени воинской службы, от рядового до майора, причем из послужного списка не следует, что он заканчивал какие-либо военные учебные заведения,

¹ Согласно военному формуляру: в службу вступил 5 января 1841 г. рядовым в пехотный генерал-фельдмаршала князя Варшавского графа И. Ф. Паскевича-Эриванского (впоследствии Ширванский пехотный великого князя Николая Константиновича) полк. Произведен в унтер-офицеры 15 апреля 1841 г. За отличие в делах против горцев награжден знаком отличия Военного ордена Св. Георгия номер 78218 – 5 января 1844 г. Произведен в прапорщики 2 ноября 1846 г.; подпоручики – 22 сент. 1847 г. Занимал должность батальонного адъютанта с 1 дек. 1848 г. по 27 марта 1850 г. По просьбе матери переведен 11 окт. 1851 г. в 8-й Грузинский линейный (впоследствии Бакинский местный и 21-й Кавказский) батальон. Прибыл к новому месту службы 25 декабря 1851 г. Произведен в поручики 29 ноября 1856 г. Назначен командиром роты 5 мая 1860 г. Произведен в штабс-капитаны 8 янв. 1861 г. Исполнял с 7 мая по 15 августа 1864 г. должность Зангезурского участкового заседателя. За отлично усердную и ревностную службу награжден орденом Св. Станислава 3 ст. 2 дек. 1865 г. Произведен в капитаны 22 янв. 1869 г. Состоял членом батальонного суда с 16 дек. 1870 г. по 8 апр. 1871 г. и с 5 янв. по 22 июня 1873 г. Награжден орденом св. Владимира 4 ст. с бантом за выслугу 25 лет в офицерских чинах 22 сент. 1871 г. Имел также бронзовую медаль в память Крымской войны 1853–1856 гг. и крест за службу на Кавказе. Председатель батальонного суда с 20 марта 1875 г.

Высочайшим приказом о чинах военных 8 мая 1878 г. уволен за болезнью от службы майором с мундиром и пенсией. Недвижимости не имел. В штрафах и под судом не был. Участвовал в походах и делах против горцев с 7 мая по 22 июня 1841 г. в Дагестане в отряде под начальством командира Отдельного Кавказского корпуса генерала от инфантерии Е. А. Головина. С 11 февраля по 4 апреля 1842 г. в Нагорном Дагестане в отряде генерал-лейтенанта К. К. Фези. С 3 мая по 13 дек. 1843 г. участвовал в боях на территории Дагестана, в том числе при обороне в ноябре-декабре 1843 г. укрепления Зыряны, за что награжден 3 руб. серебром и знаком отличия Военного ордена Св. Георгия.

следовательно, все ступени его роста – воинские заслуги. И еще видимо, офицерское звание позволило ему стать дворянином Бакинской губернии. Воинское дело Ф. Г. Забелина продолжили его дети, и мои исследования позволили проследить судьбу трех его сыновей: Ивана, Александра и Андрея.

Наиболее полные сведения удалось получить из Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге об Александре Федоровиче Забелине. В фонде «Кабинета его Императорского Величества» хранится дело генерал-лейтенанта А. Ф. Забелина, что

*Генерал от инфантерии
А. Ф. Забелин*

говорит о незаурядности его личности. Формулярный список позволяет проследить весь его воинский путь. А. Ф. Забелин родился 18 мая 1856 г. В 17 лет поступил в 1-е Павловское военное училище. С 1874 г. – портупей-юнкер, в 1875 г. по окончании курса по 1 разряду произведен в подпоручики и прикомандирован в лейб-гвардии Московский полк, где последовательно повышался в звании – прапорщик (1876 г.), подпоручик (1877 г.?) В 1877 г. в составе гвардейского корпуса участвовал в сражениях русско-турецкой войны. За храбрость, проявленную при взятии укреплений в деревне Горный Дубняк, был награжден орденом св. Анны 4 степени, получил пулевое ранение в грудь и живот и был направлен на лечение в госпиталь. В апреле 1878 г.(?) произведен в поручики. За участие в войне с Турцией 1877–1878 гг. награжден орденом Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом. Дальнейшее продвижение по службе требовало дополнительного образования, и в феврале 1879 г. Александр Федорович, выдержав приемный экзамен, был зачислен в младший класс Николаевской академии Генерального штаба. За отличные успехи в науках был произведен в штабс-капитаны. В мае 1881 г., после окончания курса в академии, был причислен к Генеральному штабу и назначен в Киевский военный округ, служба

в котором отмечена дальнейшим продвижением. 10 июля 1881 г. он назначен старшим адъютантом, 19 июля произведен в обер-офицеры при штабе, в ноябре 1881 г. переведен в Генеральный штаб для поручений при штабе Киевского военного округа. Этот период отмечен награждением орденом Св. Анны 3 степени.

Последующая его служба связана с обеспечением передвижения войск по железным дорогам и водным путям. В 1884 г. он заведует транспортными путями войск от Козлова до Владикавказа и по Азовскому морю и рекам Дону и Кубани. 30 августа 1886 г. А. Ф. Забелин произведен в полковники. С 1886 г. как представитель Генерального штаба заведует передвижением войск Киевского района. Этот этап его деятельности отмечен орденом Св. Станислава 2 степени. В марте 1888 г. его назначают штаб-офицером Генерального штаба. В 1889 г. он прикомандирован на один год командовать батальоном лейб-гвардии Московского полка. За службу этого периода он получил орден Св. Анны 2 степени, после чего снова отозван в Генеральный штаб и за отличие в службе в августе 1890 г. произведен в полковники и назначен делопроизводителем по передвижению войск. В этот период он обеспечивал перевозки новобранцев призыва 1890 г., являлся представителем военного министра при ревизии Харьковско-Николаевской железной дороги, осуществлял наблюдение за перевозкой казачьих команд от Самары до Астрахани и выполнял ревизию железнодорожных станций и пристаней. В 1899 г. приказом по Военному ведомству назначен членом комиссии по вооружению крепостей. 29 мая 1899 г. последовало его назначение исполняющим обязанности начальника канцелярии. За отличную службу 9 апреля 1900 г. А. Ф. Забелин был произведен в генерал-майоры, а 6 декабря 1902 г. награжден орденом Св. Станислава 1 степени.

В 1904 г. в связи с началом войны с Японией высочайшим приказом назначен начальником военных сообщений Манчжурской армии и прибыл в город Ляоян. По приказу Главнокомандующего 30 ноября 1904 г. допущен к исполнению должности начальника военных сообщений при Главнокомандующем. За отличие в компании произведен в генерал-лейтенанты и награжден орденом Св. Анны 1 степени с мечами. После окончания войны высочайшим приказом назначен начальником канцелярии Военного министерства. После этого назначения его деятельность отмечена орденами Св. Равноапостольного

князя Владимира 2 степени с мечами (25 сентября 1905) и Белого Орла (30 июля 1907 г.). 3 марта 1910 г. последовало новое назначение Александра Федоровича начальником Главного Управления военных учебных заведений, а за отличие по службе он произведен в генералы от инфантерии (10 апреля 1911 г.).

21 июля 1914 г. Германия объявила войну России, уже 18 июля А. Ф. Забелин высочайшим приказом назначен Главным начальником снабжения армии Юго-Западного фронта, но его участие в войне продолжалась недолго, 27 декабря он вновь назначен Начальником Главного Управления военно-учебных заведений. Судя по послужному списку, деятельность А. Ф. Забелина привлекла внимание Августейших особ: императрица Мария Федоровна, покровительница Российского общества Красного Креста, «всемилодивейше пожаловала знак отличия Красного Креста», а великий князь Михаил Александрович назначил Александра Федоровича почетным членом Георгиевского Комитета, председателем которого он был.

Из послужного списка следует, что Александр Федорович с 1917 г. находился на пенсии как отставной генерал и проживал в Кисловодске, в гостинице «Гранд Отель» (август 1917 г.), а затем в Пятигорске на частной квартире (ноябрь 1917 г.).

В документах Российского государственного исторического архива упоминаются сыновья Александра Федоровича: Александр – 1881 г. р., Михаил – 1883 г. р., Георгий – 1886 г. р., Евгений – 1890 г. р., родившиеся от первого брака с дочерью купца 2-й гильдии Торубаевой Ефросиньей Ивановной. Если о судьбе Александра свидетельствует целый ряд документов, то об остальных сыновьях известно только, что Георгий в 1908 г. был поручиком лейб-гвардии Московского полка, а Евгений – подпоручиком. И еще вспоминается рассказ моей мамы о встречах с молодыми военными, видимо, с Георгием и Евгением, в доме их отца А. Ф. Забелина на Кадетской линии, дом 3.

В документах Александра Федоровича фигурирует и имя второй жены – Марии Подлеской, дочери коллежского советника. Дата этого брака не указана, но, судя по дате рождения младшего сына от первого брака Евгения, произошло это после 1890 г. Об Александре Забелине (младшем) известно, что он родился и крещен в Киево-Лыбедянской Свято-Троицкой церкви 29.08.81 г., далее указы-

вается только имя матери – Е. И. Торубаевой. Из последующих документов становится понятно, что брак Александра Федоровича и Евфросиньи Ивановны в то время не был оформлен, т. к. в 1890 г. по просьбе А. Ф. Забелина Александру Торубаеву дозволяется принять фамилию его отца – Забелина «со вступлением во все права и преимущества по роду и наследию, законным детям принадлежащие».

В 1899 г. Александр Александрович окончил полный курс Александровского кадетского корпуса, затем прослушал 3 курса в Институте инженеров путей сообщения императора Александра I, после чего последовало ходатайство его отца генерал-лейтенанта А. Ф. Забелина об определении сына на службу в Кабинет Его Императорского Величества. В 1908 г. следует его назначение помощником регистратора Кабинета, а в 1910 г. помощником делопроизводителя V класса по Кабинету. Последние записи в формулярном списке А. А. Забелина относятся к 1918 г., где его служба продолжается в Комиссариате имуществ Республики.

И, наконец, не очень полные сведения о моем деде Андрее Федоровиче Забелине, одном из сыновей Ф. Г. Забелина, взятые из его послужного списка, находящегося в Российском государственном историческом архиве. Андрей Федорович родился 13 августа 1878 г., сын майора в отставке, уроженец Бакинской губернии, вероисповедания православного. Воспитывался в Воронежском Михайловском кадетском корпусе. В службу вступил юнкером рядового звания в Павловское военное училище 31 августа 1896 г. Произведен в унтер-офицеры 3 октября 1897 г., в младшие портупей-юнкеры – 21 мая 1898 г. Окончив училище по 1 разряду, произведен в подпоручики в 129-й пехотный Бессарабский полк 8 августа 1898 г. Прибыл в полк 3 октября 1898 г. Прикомандирован к лейб-гвардии Московскому полку 6 декабря 1898 г., переведен в сей полк 7 сентября 1899 г. В гвардии Андрей Федорович задержался недолго. Служил в 5-м и 8-м Финляндских стрелковых полках, командовал ротой и батальоном. Был произведен в поручики 8 августа 1902 г., в штабс-капитаны – 8 августа 1906 г., в капитаны – 8 августа 1910 г., в подполковники – 8 августа 1910 г., в полковники – 22 октября 1915 г. Награжден орденами: Св. Станислава 3 степени (1906 г.), Св. Анны 3 степени (1910 г.), Св. Станислава 2 степени (1913 г.), Св. Анны 2 степени с мечами (1915 г.), Св. Владимира 4 степени с мечами и бантом

(1915 г.). А. Ф. Забелин – активный участник Первой мировой войны 1914–1918 гг. Согласно наградному листу от 24 ноября 1915 г., он выступил в поход против Австро-Венгрии и Германии в составе 8-го Финляндского стрелкового полка 19 августа 1914 г., эвакуирован в тыл по болезни 4 октября 1914 г., возвратился в полк 31 декабря 1914 г. Войну он закончил в составе 423-го пехотного Лужского полка. К этому послужному списку можно добавить, что Андрей Федорович в 1908–1909 гг. числился штабс-капитаном при Павловском военном училище. Судя по рассказам моей мамы, его гибель связана с трагическими событиями Гражданской войны.

К сожалению, его послужной список заканчивается 1916 г., к тому же в списке отсутствуют сведения о семейном положении. Этот пробел можно восполнить по воспоминаниям моей мамы и тем фотографиям, которые сохранились. По ним можно проследить всех, начиная с моей прабабушки – Решетниковой Марии Николаевны, дочери отставного полковника Решетникова Николая Николаевича, которая была замужем за Михаилом Карловичем Беггровым, их детей: сына Михаила, дочерей Евгении и Марии (умерла в 8 лет в сентябре 1894 г.). Евгения Михайловна Беггрова и стала женой Андрея Федоровича Забелина. Так произошло соединение родословных двух фамилий – Забелиных и Беггровых.

Дату женитьбы Андрея Федоровича и Евгении Михайловны установить не удалось, но, судя по адресам их проживания, можно предположить, что их бракосочетание произошло где-то на рубеже XX века, так как в 1901 г. А. Ф. Забелин квартировал на Большом Сампсониевском, д. 65, в казармах лейб-гвардии Московского полка, а в 1902 г. уже в доме своей тещи на наб. р. Ждановки, д. 7. У Андрея Федоровича и Евгении Михайловны было три дочери: Нина, Людмила и Зинаида. Как вспоминала моя мама, жили они в доме своей бабушки М. Н. Решетниковой на набережной реки Ждановки.

Подробную историю этого дома мне удалось установить по документам Ленинградского областного исторического архива, где материалы по этому дому хранятся под названием «Дом Беггрова», хотя владельцы до и после Беггровых менялись неоднократно. Беггровы владели этим домом с января 1886 г. по 1907 г.

До 1886 г. он принадлежал купчихе Сидоровой, а последним его владельцем был М. М. Беггров – брат моей бабушки Е. М. Беггровой.

С 26 июня 1907 г. дом находился в залоге у Елизаветы Валерьевны Протопоповой, а в справке-купчей от 11 июня 1911 г. этот дом переходит во владение д.с.с. Ивана Петровича и его жены Ольги Петровны Сазанович.

Этот дом известен еще и тем, что в 1849–1850 гг. на квартире преподавателя И. И. Введенского собирался кружок демократической интеллигенции. Частым гостем кружка был Н. Г. Чернышевский. Позднее в 1853–1854 гг. Чернышевский жил в этой квартире.

Если представители мужской линии Забелиных оставили заметный след в российской военной истории, то Беггровы небезызвестны в области русского искусства.

Родословная Беггровых по документам Латвийского государственного исторического архива (ЛГИА) начинается с имени моряка Иогана Эрнеста Беггрова, который скончался в Риге после 1757 г.

В отечественной справочной литературе по искусству имя Беггровых представлено, начиная с двух сыновей Петера Иоахима Беггрова-часовщика (1752–1818) и его жены Катарины Регины, урожденной Гетц (1760–1844), – это Иоганн Фридрих (Иван Петрович, 1793–1877) и Карл Иоахим (Карл Петрович, 1799–1875). Из справки Латвийского архива от 17.10.2005 г. известно, что дедушка Ивана и Карла Беггровых – Иоганн-Эрнест Беггров, моряк, проживал в Риге, был женат дважды. От второго брака с Марией-Элизабет, урожденной Клейн, родился Петер Иоахим, отец Карла и Иоганна. Дата рождения Иоганна Эрнеста не установлена, скончался он после 1757 г. Оба брата приехали в Петербург из Риги в начале XIX века.

Невский пр., 62

Старший брат Иван Петрович первоначально проявил себя как гравер, литограф. Он учился у гравера С. Кардели, под руководством которого в 1812–1814 гг. выполнил коллекцию гравюр о победах, одержанных над неприятелем российской армией в 1812 г. В 1817 г. открыл на Невском пр., вероятно, в

доме 62, частную литографскую мастерскую и магазин по продаже картин и других произведений искусства. В 1819 г. выполнил иллюстрации к книге Друвиля «Путешествие в Персию», с 1820 г. он печатный мастер Министерства иностранных дел, где исполнял гравюры по оригиналам Д. Скотти, а также выполнил литографический портрет Николая I (по оригиналу Ф. Крюгера). Видимо, знакомство с Д. Скотти позволило ему в 1827–1828 гг. совместно с ним выполнить росписи в Зимнем дворце: плафон Большой лестницы и оформление помещений императрицы Марии Федоровны. В 1859 г. Иван Петрович был назначен комиссионером Петербургской Академии художеств по продаже печатных эстампов и сношений с границей.

И. П. Бегров был женат дважды. От первого брака с Доротеей Генриеттой Буш родились сыновья Александр (1828–1888) и Федор (1835–1885).

Александр Иванович Бегров продолжил дело отца: он был потомственным почетным гражданином, поставщиком Императорского двора, комиссионером Академии художеств, литографом Императорской Публичной библиотеки, унаследовал мастерскую и магазин отца, издавал литографические альбомы с карикатурами Н. А. Степанова, а также с рисунками И. И. Шишкина. Сотрудничал с П. М. Третьяковым, продавал картины передвижников, «был очень добросовестен, аккуратен и честен», – так оценил его деятельность И. Е. Репин. Он также возглавлял Школу печатного дела Императорского Русского технического общества.

В публикации «Невский проспект» (Лениздат, 1985) отмечено, что «...в 1865 г. юный И. Репин принес свою самую первую живописную работу “Приготовление к экзаменам” в магазин картин и эстампов А. Бегрова, находящегося в начале Невского пр., дом 4». (По «Алфавитному указателю жителей С.-Петербурга на 1867–1868 год» Бегров Александр Иванович, 2 г. куп. Невск. пр., д. 4, кв. 1. Эстамп. Магазин и Литограф. Заведение; Иоган Фридрих, п. п. гр. Невск. пр., д. 62, кв. 4.)

Второй сын И. П. Бегрова – Федор Иванович (Теодор Георг) – музыкант, педагог, закончил Лейпцигскую консерваторию по классу фортепиано И. Мошелеса. С 1874 по 1880 гг. преподавал в Петербургской консерватории по классу фортепиано у профессора Герке, с

1874 по 1880 гг. – профессор 2 степени. Дочь Федора Ивановича – Ольга Федоровича Беггрова-Гартман (1862–1922), живописец, училась в Штутгарте (Германия) и в Петербурге. Участвовала в выставках Академии художеств с 1885 г., писала главным образом натюрморты и сцены из детской жизни. В 1887 г. получила Большую, а в 1889 г. Малую поощрительные медали Академии художеств. После 1887 г. жила в Германии. Среди ее произведений: «Монах» (1887, приобретена АХ), «Девочка с гусями» (1888), «Пучилло», «Не купите ли» (1889), «Лакомки» (1891), «Война». О. Ф. Беггрова-Гартман умерла в Мюнхене в 1922 г.

В середине 1840 г. Иван Петрович стал владельцем дома на Невском, 65 (ныне дом № 62). После его смерти в 1877 г. дом унаследовал его сын Ф. И. Беггров. В 1893–1894 гг. он принадлежал сонаследникам Беггровых: Александру Ивановичу и Вильгельмине Федоровне Беггровым, Паулине Ивановне Михельсон и Ольге Федоровне Гартман. В 1840 гг. на дворе стояли: трехэтажный дом, два двухэтажных и два одноэтажных флигеля и службы. Все строения были каменными. Перестройки, производившиеся на участке в 1850–1870 гг., сводились к устройству фотографических павильонов, надстройке мансард на дворовых флигелях, строительству сарая, установке зонтиков у парадных лестниц. К их осуществлению привлекались опытные петербургские архитекторы Р. А. Гедике, Н. П. Гребенка, Е. И. Ферри-де-Пиньи, Х. Х. Тауки, А. Л. Оберт. В 1895 г. дом купил Санкт-Петербургский Азовский коммерческий банк.

Другой сын Петера Иоахима – Карл Иоахим (Карл Петрович), мой прапрадед, литограф, акварелист, учился у М. Н. Воробьева в пейзажном классе Петербургской Академии художеств (1818–1821). В 1822–1826 гг. как литограф принял участие в работе над большой серией литографий «Виды Петербурга и его окрестностей», издававшейся Обществом поощрения художников. Подробно этой работе посвящена статья И. П. Ерохиной и Г. А. Миролюбовой «Рисунки К. Ф. Сабата и С. П. Шифляра с видами Петербурга 1820 г.» из собрания Государственного Исторического музея².

² *Ерохина И. П.* Рисунки К. Ф. Сабата и С. П. Шифляра с видами Петербурга 1820 г. / И.П. Ерохина, Г.А. Миролюбова // Панорама искусств. М.: Сов. художник, 1990. Вып. 13. С. 34-70.

К. П. Бегров. Михайловский дворец 1832 г.

Из этой публикации видно, что работа над серией рисунков явилась результатом «...рождения творческого содружества трех художников К. П. Бегрова, К. Ф. Сабата и С. П. Шифляра с четким разделением обязанностей, соответственно особенностям дарования каждого – К. Ф. Сабат (1782–1843) выполнял зарисовки с натуры архитектурных образов городских пейзажей, а С. П. Шифляр дополнял эти рисунки различными типажам петербуржцев. К. П. Бегров литографировал представленные ему рисунки. В литографиях К. П. Бегрова, объединяющих рисунки этих двух мастеров, вид получал окончательную художественную завершенность. Сам замечательный график, увлекавшийся искусством акварели, Бегров с большим тактом смягчил динамичную манеру рисунка Сабата с помощью мягкого литографического карандаша, он умело использовал намеченные автором оригинала тени, обобщал его мелкие росчерки пера, тем самым органично соединяя линейно-графическое и тонально-живописное начала.

В дальнейшем он выпустил серию литографий «Народы, живущие между Каспийским и Черным морями», им выполнены несколько листов с изображением морских сражений русско-турецкой

войны 1806–1812 гг. Эти работы позволяют считать его одним из первых профессиональных художников-литографов в России. С 1825 г. К. П. Беггров – ученый литограф при Главном управлении путей сообщения, где им исполняются виды вновь построенных инженерных сооружений: мостов, шлюзов и т. д. Ему принадлежат также литографические портреты императоров Александра I и Николая I, И. А. Дмитриевского, А. Х. Востокова и других.

Не оставляя занятия литографией, в 1827–1828 гг. Карл Петрович участвует в оформлении интерьеров апартаментов императрицы Марии Федоровны в Зимнем дворце. Совместно с братом Иваном Петровичем под руководством Джованни Батиста Скотти он расписывает плафон Большой лестницы и Большого Конногвардейского зала (совместно с Федором Рихтером), Лоджии Рафаэля (живопись над дверями и вокруг новых зеркал), а также своды в помещении Государственного Совета и Кабинета министров.

В 1832 г. за исполнение акварели «Вид Михайловского дворца» он получил от Академии художеств звание академика перспективной живописи. В материалах Ленинградского областного исторического архива я обнаружил интересный документ академика Карла Беггрова «Прошение в Общество поощрения художников» от 1 ноября 1837 г., где он ратует за создание русской литографии и эстампа в противовес иностранному засилью в этой области, что «не всегда могло безусловно удовлетворять строгому вкусу знатоков». Как пример положительного решения этой задачи, он считал 12-летнее существование собственного литографического заведения и, в частности, «лестное одобрение Его Императорским Величеством за подношение альбома видов С.-Петербурга, выполненного в его мастерской». (По атласу Цылова Беггрову Карлу Петровичу принадлежит дом на Стремянной ул., 7; в 1854 г. по «Алфавитному указателю жителей С.-Петербурга на 1854 год» в том же доме только кв. 10).

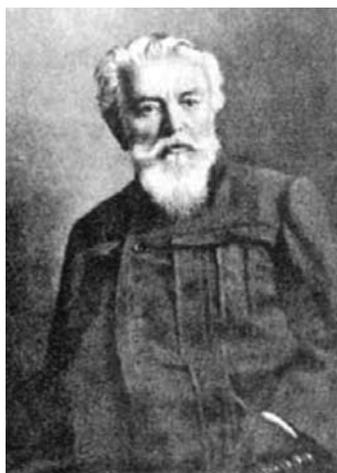
Как пример известности К. Беггрова, можно привести отрывок из романа «Смерть Вазир-Мухтара» Ю. Н. Тынянова: «...в Таврическом дворце жил Хозрев-Мирза. Были убрана мебель, навалены ковры, наставлены диваны, повешен большой портрет Аббаса-Мирзы. Его спешно писал академик Беггров и успел написать как раз ко дню прибытия».

Известны даты жизни братьев Ивана и Карла Бегровых. Иван Петрович родился в Риге 2 декабря 1793 года, умер 5 февраля 1877 года. Карл Петрович родился в Риге 15 февраля 1799 года, умер 12 февраля 1875 года. Оба похоронены на Смоленском лютеранском кладбище в С.-Петербурге.

В документах Государственного предприятия «Ритуальные услуги» сохранились схемы захоронений Смоленского лютеранского кладбища, где обозначена могила И. Ф. Бегрова под номером 329, с пометкой «разрушена». По мнению сотрудников архива, возможно, Карл Бегров был похоронен в той же могиле. В других источниках сообщается, что могила К. П. Бегрова утрачена.

О семейном положении Карла Петровича известно, что у него было три сына: Александр, Михаил (мой прадед, отец моей бабушки Евгении Михайловны. Дата рождения его неизвестна, он служил в военно-морском ведомстве, был штабс-капитаном, инженер-механиком) и Константин.

Александр Карлович родился в С.-Петербурге 17 декабря 1841 года. Воспитывался в Николаевском инженерном и артиллерийском училище Морского ведомства (1853–1863). Дважды совершал кругосветные плавания, в т. ч. сопровождал в одном из них великого князя Алексея Александровича. В 1868 г. во время восстания на острове Крит участвовал в спасении семей греческих повстанцев от турецкой резни. Не оставляя службу на флоте, с 1873 г. был вольнослушателем в пейзажном классе Петербургской Академии художеств у П. К. Клодта, в 1871–1874 гг. совершенствовался в Париже у А. П. Боголюбова и французского мариниста

*Александр Карлович
Бегров*

Л. Бонна. В 1873 г. за морские виды получил Малую золотую медаль Академии художеств. В дальнейшем много путешествовал в Голландию и Венецию, в 1879 г., командуя фрегатом «Светлана», совершил переход из Кронштадта в Грецию. В 1884–1885 гг. жил во Франции.

А. К. Бегров. Утро на Невском проспекте. 1880 г.

После того как А. К. Бегров сменил А. П. Боголюбова в должности художника Морского ведомства, основными жанрами его творчества стали морские виды, изображения гаваней, портов, набережных, а также «портреты» кораблей (императорские яхты «Цесаревна», «Дагмара», «Славянка»). Кроме того, его кисти принадлежат и городские пейзажи. В Музее истории Петербурга хранится его полотно «Утро на Невском проспекте». На выставке «Старый Петербург» в Русском музее в ноябре 2003 г., кроме вышеуказанной картины, экспонировались: «Николаевская набережная», «Панорама Невы от Николаевского моста», «Судостроительная верфь Новое Адмиралтейство».

В 1899 г. А. К. Бегров удостоивается звания академика, а в 1912 г. он получил звание почетного члена Академии художеств.

В 2001 г., к 160-летию со дня его рождения, в Центральном военно-морском музее была организована полная выставка работ А. К. Бегрова и выпущен каталог, в котором дается творческая

А. К. Беггров. Набережная Невы. 1876 г.

А. К. Беггров. Вид Невы и Стрелки Васильевского острова с Фондовой биржей. 1879 г.

биография художника. Имя Александра Карловича фигурирует и в воспоминаниях Александра Бенуа. С. Дягилев в письме к А. Бенуа по поводу создания общества «Мир искусства» пишет: «...из Альберовского общества ничего путного не выйдет, т. к. члены-учредители его Беггров, Степанов, Игнациус, Аккер и прочие...» А. Бенуа выразил свое несогласие с мнением С. Дягилева, он писал: «Дягилев не прав, ставя на одну доску такого искусного мастера, как А. К. Беггров с такими бездарными любителями, как глухонемой Степанов и морской офицер Игнациус».

Работая в Эрмитаже, А. Бенуа вспоминает эпизод посещения выставки Александром III. «...Случалось императору во время обозрения выставки и шутить, или же он отвечал громким на весь зал хохотом на те остроты или маленькие потешные анекдоты, которыми его тешили наши специалисты по этой части: бонтонно-грубоватый Вилье и разыгрывающий из себя простака искусный маринист А. К. Беггров. На ужинах у Альбера тот же Беггров отличался неисчерпаемым запасом самых гривуазных, самых сальных анекдотов, которые он подносил товарищеской компании с особым вкусом. Но Беггров обладал достаточным тактом, чтобы припасать для забавы государя и сопровождающих его дам шутки и словечки совершенно иного содержания и тона. Подносил же свои остроты этот неказистый с виду человек всегда кстати, точно невзначай и без того, чтобы выдать их заблаговременную “отделку”».

В 1892 г. Александр Карлович купил дом № 33 на Александровской ул. (ул. Урицкого) в Гатчине. В 1903 г. после смерти жены поселился в доме 8 на Соборной ул., где провел последние годы своей жизни. Этот дом сохранился, на нем установлена мемориальная доска. Александр Карлович умер в 1914 г. и похоронен на старом кладбище в Гатчине, там же похоронена его жена Люси Беггрова-Сиверс.

До 1892 г. он проживал и, видимо, имел мастерскую в С.-Петербурге на Васильевском острове по Биржевой линии, д. 18. Этот дом, выходящий главным фасадом на набережную Малой Невы, знаменит тем, что в нем жили и имели свои мастерские выдающиеся художники М. П. Клодт, И. Н. Крамской, Г. Г. Мясоедов, А. И. Куинджи. Можно предположить, что из окон этого дома был виден дом на наб. р. Ждановки, 7, где проживал его родной брат – Михаил. Александр и Михаил оба учились в Николаевском

Гатчина, Соборная ул., 8

*Надгробие на могиле
Беггрова. Гатчина*

инженерном и артиллерийском училище, впоследствии они сохранили родственные отношения и, видимо, Александр рекомендовал Михаилу для работ по собственному дому своих знакомых архитекторов из Академии художеств.

В делах по дому Михаила Карловича Беггрова фигурируют имена архитекторов А. В. Голля, А. М. Ливена, В. Р. Курзанова, А. А. Щедрина, которые принимали участие в проектировании и перестройках этого дома. Кроме того, после смерти Михаила Карловича в 1889 г. попечителем его детей стал В. Р. Курзанов, академик архитектуры, коллежский советник. Связь с архитекторами из Академии художеств подтверждается и тем, что крестной матерью моей мамы Зинаиды Андреевны, внучки Михаила Карловича Беггрова, была Ольга Владимировна Кащенко, жена Александра Владимировича Кащенко – архитектора двора великих князей Сергея и Павла Александровичей, члена ряда городских комиссий, гласного Городской думы, автора ряда доходных домов, здания Международного коммерческого банка на Малой Садовой улице.

Семья А. В. Кащенко проживала в собственном доме, построенном по его проекту, – дом № 2 по Таврической улице (Суворовский проспект, 34). По рассказам моей мамы, она неоднократно бывала у своей крестной, в их квартире, расположенной на бельэтаже. Из всех доходных домов, построенных А. В. Кащенко, этот дом самый представительный и отличается от ближайшей застройки своей помпезностью, что говорит о больших финансовых возможностях

его автора. Кащенко скончался до революции, а его жена, Ольга Владимировна, после революции была выселена из города, и следы ее затерялись.

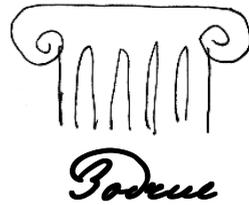
Сын Михаила Карловича Бегрова – Михаил Михайлович. О нем известно, что в 1901 г. он был юнкером Николаевского инженерного артиллерийского училища, в 1904 г. – поручик, а с 1907 г. – поручик запаса инженерных войск. В 1903 г. он стал владельцем дома на набережной реки Ждановки, 7, затем с 1919 по 1939 гг. проживал в Риге, являясь гражданином Латвии, а в 1939 г. был репатрирован в Германию. Можно предположить, что в начале Второй мировой войны М. М. Бегров с семьей эмигрировал в США и, возможно, от него и было получено письмо моей мамой в годы Великой Отечественной войны.

В справочнике «Весь Петербург» за 1914 г. указаны Штофф Николай Александрович и Штофф Раиса Григорьевна, проживавшие на 10-й Рождественской улице, 17. По словам моей мамы, они были родственниками М. Н. Решетниковой, ее бабушки. С этой фамилией связан эпизод, где на фотографии, кажется, в Удельном парке расположилась группа людей – родственников моей мамы, которые выехали на природу отметить награждение Владимира Штоффа, летчика, участника Финской войны 1939–1940 гг. орденом Боевого Красного знамени.

И последнее. Когда началась Гражданская война, Евгения Михайловна Бегрова со своими дочерьми Ниной, Людмилой и Зинаидой из голодного Петрограда поехала на юг России к родственникам в Махачкалу, по дороге Евгения Михайловна умирает. Неизвестно, добрались ли дети до Махачкалы, но после Гражданской войны сестры оказались в Ленинграде. Моя мама и ее сестра Людмила окончили курсы бухгалтеров. Мама работала в Управлении Октябрьской железной дороги, а «тетя Мила» – в театре Музкомедии. С тетей Ниной контакты, по моим воспоминаниям, были редкими, помню только, что она жила с двумя детьми где-то в районе Старо-Невского проспекта.

К сожалению, не на все вопросы мне удалось найти ответы. Так, о Константине Карловиче Бегрове известно, что он жил в Колпино и, видимо, работал на Ижорских заводах военным представителем Морского ведомства.

Ноябрь 2008 года

*Виктор Васильевич Антонов,
лауреат Анциферовской премии*

Корсини в Петербурге

В истории русской архитектуры XIX века еще много мало-известных или плохо изученных мастеров, которые построили множество зданий и пользовались влиянием и уважением среди современников. В их числе не только зодчие русского происхождения, но также иностранцы, проживавшие в России, которая зачастую становилась их второй родиной.

Сегодня имя Иеронима Дементьевича Корсини (1810–1876) известно разве что самым дотошным историкам архитектуры, хотя как зодчий он трудился целых 35 лет и создавал проекты как для Петербурга, так и для зарубежных заказчиков. Он родился в России, а умер в Швейцарии, тогда как его отец родился в Италии, а умер в Петербурге.

Фамилию Корсини носила семья известных римских аристократов, но отец будущего архитектора Доменико (Дементий) Антонович Корсини (30.1.1774–10.5.1814) к ней не принадлежал. Он родился в Болонье, где окончил местную Академию художеств. «В 1802 году нужен был для Ст. Петербургских Императорских театров искусный Декоратор из Италии и выбор пал на Корсини. Прибыв в том же

году в Ст. Петербург, он вступил в должность театрального Декоратора и вскоре обнаружил свой талант в перспективной живописи, отличную манеру и необыкновенную деятельность». Трёхгодичный контракт был подписан 7 марта 1802 года и обязывал художника работать исключительно для столичного Итальянского театра, который давал свои представления в Большом каменном театре, стоявшем на месте нынешней Консерватории¹.

Согласно второму контракту, заключенному через год, Корсини должен был «писать для *всех театров* (курсив мой – В. А.) Его Императорского Величества всякие декорации», получая ежегодно 5000 рублей вознаграждения.

Кроме декораций, в обязанность ему вменялось изготовление чертежей и моделей театральных машин. Иногда он работал совместно с П. Гонзага, наиболее известным в то время декоратором. Это относится прежде всего к оформлению в Большом театре балетов Ш. Дидло, в их числе «Клара, или Обращение к Добродетели» (1806), «Амур и Психея» (1809), «Лаура и Генрих» или «Трубадур». За декорации к балету «Флора и Зефир» художник в начале 1806 года получил в подарок перстень. Второй перстень был ему дан за «Амура и Психею»².

Особенную популярность Корсини и Гонзага снискали за оформление оперы «Князь-невидимка» (1805) К. А. Кавоса, итальянского композитора на русской службе. «Великолепие декораций, быстрота их перемен, пышность костюмов и внезапность передеваний – изумительны <...>. В первый раз в жизни удалось мне видеть такой диковинный, богатый спектакль <...>. Декорации большей частью кисти Корсини и Гонзага. Это – настоящие чародеи», писал С. П. Жихарев, любитель театра³.

Уже в 1805 году Корсини назван в списке лучших декораторов Императорского русского театра наряду с Гонзаго и Б. Джерлини. «Произведения Доминика Корсини обращали на себя внимание публики; люди образованные высоко ценили верность его рисунка, плодovitость фантазии и эффектное исполнение <...>, к тому же он был одарён светлым умом, нежным сердцем и тёплой, истинно христианскою душою...»⁴

Собранием Академии художеств 1 сентября 1811 года Корсини «по известному его искусству в живописи декораций» был выбран в

Эскиз декорации к балету «Сандрильона». Совместно с П. Гонзага

академики вместе с Б. Медичи и Ф. Торричелли. В том же году на академической выставке он показал «два внутренних перспективных вида», что говорит о нём как станковом художнике⁵.

В 1853 году сын Иероним Корсини подарил Академии художеств альбом с 20 акварелями и рисунками отца за 1803–1813 гг., который ныне хранится в Русском музее. Эскизы декораций – это архитектурные перспективы, величественные и монументальные, напоминающие работы Гонзаго и исполненные романтического настроения. Однако манера работы – более тщательная и менее вдохновенная, чем у Гонзаго⁶.

Умер Корсини «от горячки» и погребен на Волковом лютеранском кладбище. Его жена Екатерина Карловна (1791–1857) за мужа получила в начале 1816 года от Театральной дирекции 2333 руб. как единовременное пособие. Она намного пережила мужа и похоронена рядом с ним. В Московской части (в 1835 году – № 33) она владела каменным домом, где, вероятно, прошла юность её сына архитектора⁷.

Отец будущего архитектора скончался, когда сыну было всего шесть лет. Следовательно, его учителем быть никак не мог. Как пишет сам Иероним: «Образование получил в Главном инженерном училище, где сверх строительных предметов слушал также и гражданскую архитектуру. Имея к ней природную склонность, я уже занимался ею по производстве меня в инженер-прапорщики и с того же времени направлял себя на поприще архитектора».

Согласно документам, Корсини с 1826 года числился в Главном инженерном училище, в кондукторской роте, и после выпускного экзамена в 1830 году получил чин полевого инженер-прапорщика. В 1832–1836 гг. он служил в Корпусе инженеров военных поселений и занимался в основном ремонтом казарм. Во время командировки в 1835 году в Москву архитектор по пути «осмотрел в Твери казармы 7-й конноартиллерийской бригады, составил описание состояния путевого дворца в Торжке в связи с его приспособлением для штаба Уланского <...> полка». Подобное занятие было малотворческим⁸.

В следующем 1836 году Корсини поступил гражданским инженером, т. е. архитектором-строителем, в Губернскую контору казенных имуществ, а спустя два года был принят штатным архитектором в Гоф-интендантскую контору, которая подчинялась Министерству двора. Другим местом службы молодого зодчего с 1842 года стало Министерство финансов. Он был уже женат – 20 января 1837 года обвенчался в церкви Екатерининского института с юной Марией Антоновной Быстроглазовой (1814–1859), дочерью надворного советника. Свидетелем был генерал-адъютант И. А. Сухозанет, видный военный чиновник и друг дома. Через несколько месяцев Корсини принял российское подданство, будучи до этого «неаполитанским подданным», но остался католиком. В 1842 году «по обер-офицерскому чину» он получил российское дворянство⁹.

В 1845 году Корсини сообщал: «В течение девяти последних лет я постоянно занимался изучением изящной архитектуры; в 1839–1840-х годах ездил за границу с целью осмотреть классические и достопримечательные произведения зодчества и усовершенствовать себя в этом художестве». Очевидно, он побывал в Германии, Франции, Италии, как это обычно делали русские архитекторы. Только после этого архитектор стал получать настоящие заказы.

В цитируемом прошении о программе на звание «назначенного» Корсини перечисляет также произведенные им постройки: для графа Д. Н. Шереметева, графа С. Ф. Апраксина, князя А. А. Лобанова-Ростовского, дом при костёле св. Станислава, упоминая также о проекте дома статс-секретариата Царства Польского и даче купца Маркевича. В августе следующего года заданный проект «инвалидного дома в память какого-либо отечественного военного события» был представлен и искомое звание присуждено. Академиком Корсини был избран в 1849 году «за проект дома для Дворянского собрания в столице», который, однако, остался на бумаге. В это время он проживал на Литейном пр., 14, дом Шмидта, но позже переехал на Офицерскую¹⁰.

Известны адреса вышеупомянутых построек. Дом костёла св. Станислава, предназначенный для начального училища, стоит на Мастерской ул., 9 и датирован 1841–1842 гг., статс-секретариата – на пр. Римского-Корсакова, 35 и имеет фасад в стиле позднего ампира (1845–1847). Корсини был архитектором этого учреждения.

В том же стиле он, надстроив, переделал особняк графа С. Ф. Апраксина на Литейном пр., 48, который позднее его привлёк к основной переделке зданий Апраксина двора после страшного пожара. Эта реконструкция в стиле эклектики, проведённая в 1862–1867 гг., коснулась, прежде всего, торговых рядов Александровской линии по Садовой ул. 28-30. По окончании сложных работ в этом комплексе граф просил их проверить губернского архитектора П. С. Усова, что обидело Корсини, желавшего привлечь члена Академии художеств. Академия поручила это дело академикам К. К. Рахау и А. И. Кракау, который тоже участвовал в восстановлении Апраксина двора. Во дворе «производят торговлю – писал справочник – главным образом предметами одежды <...>, имеются целые ряды лавок: мебельных, посудных, <...>, книжных, кожевенных, железных, суровских и фруктовых»¹¹.

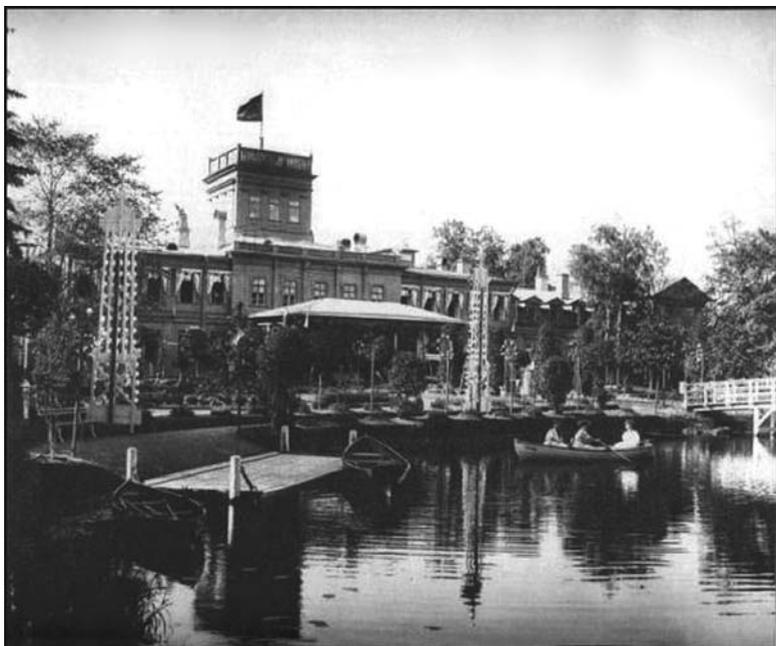
С 1837 года целых 20 лет Корсини состоял архитектором у графа Д. Н. Шереметева (1803–1871): полностью перестроил интерьеры известного Фонтанного дома на наб. р. Фонтанки, 34, и выстроил в 1845 году северный флигель. Первой работой стала великолепная чугунная ограда, украшенная золоченым родовым гербом. По преданию, она была отлита в Европе. «Все узоры – писала “Художественная

Решетка Шереметевского дворца. 1837–1838 гг.

газета” – созданы во вкусе графа Растрелли. Многие украшения, употребляемые этим великим зодчим, перенесены сюда целиком, отчего эта решётка получила решительный характер, согласный со зданием и временем его построения, и отнюдь от того не перестала быть оригинальною».

Столь же стилистически оригинально было убранство парадных и личных покоев, относящееся главным образом к 1840-м годам. Мраморный зал, украшенный белым искусственным мрамором и лепными композициями, был выдержан в ампирном стиле, также как Галерейный (Белый) зал и Малая столовая. Мотивы античной вазописи преобладают в Этрусской комнате, Ренессанса – в Официантской, барокко – в гостиных и Малиновом кабинете. Двусветный певческий класс (граф был большим ценителем церковного пения) с прекрасной акустикой перестал существовать в Певческом флигеле

Ульянка. Фотография нач. XX в.

в конце XIX века. Он тоже творение Корсини, проявившего в Фонтанном доме свой разносторонний талант мастера эклектики.

В пригородной Ульянке, в 8 верстах от Петербурга (пр. Стачек, 206), зодчий перепланировал и заново отделал фасад деревянной дачи графа, а также выстроил хозяйственные постройки. Во время последней войны дача, находившаяся на линии фронта, сгорела. Это был двухэтажный дом с бельведером и балконом, окруженный старинным парком¹².

Корсини работал в основном как ведомственный архитектор, много сил употреблявший на ремонт и незначительные перестройки, и как семейный у графов Шереметевых и Апраксиных, выполняя их заказы. Хотя его творческая деятельность продолжалась долгих 40 лет, выявленных частных построек у него довольно мало. Так, в центре Петербурга он в 1844 году возвёл четырехэтажный доходный

дом О. П. Головкина на Моховой ул., 7, а в следующем году особняк купца М. О. Маркевича на Английской наб., 12. Зодчий в 1845–1846 гг. надстроил особняк и по-новому оформил фасад, а также выстроил корпус по Галерной улице и дворовые флигели. Для нувориша был составлен и проект загородной дачи. В 1855 году в особняке поселился новый владелец – богач И. О. Утин, сын которого женился позднее на дочери архитектора.

С домом на Моховой случилась неприятная история: при его постройке в 1844 году рухнули стены, за что Корсини арестовали и посадили на два месяца на гауптвахту. Дом достраивал каменных дел мастер П. М. Карлес. Об этом эпизоде архитектор в своей биографии умалчивает. Зато он упоминает такой факт: «В 1850 году по поручению Вольно-экономического общества устроил первую в Санкт-Петербурге выставку сельских произведений», спроектировав для неё особый павильон, который, однако, не был возведён, и выставка прошла в манеже Конногвардейского полка. На ней были выставлены 3000 экспонатов, собранных со всей России. Между зданием манежа и казарм была выстроена деревянная галерея, «архитектуры лёгкой и пропорциональной», для показа лошадей-тяжелозов. Её автором, возможно, был Корсини¹³.

Как пишет в том же документе сам зодчий: «В 1853 перестроил здание Демидовского дома призрения и построил в нём домовую церковь, известную по оригинальности стиля». Дом призрения в 1833 году основал и содержал А. Н. Демидов и его наследники. Он занимал большой участок на наб. р. Мойки, 108, и состоял из комплекса разновременных зданий. Перестраивая главное и прилегающие здания, Корсини перенес домовую церковь на второй этаж; 5 декабря 1853 года ее освятил митрополит Санкт-Петербургский Никанор. Интерьер был переоформлен в «византийском стиле». В 1905 году храм был перемещён в новое здание местной гимназии, занятое ныне Академией физической культуры им. П.Ф. Лесгафта¹⁴.

До сих пор не исследованы заграничные работы зодчего, который в 1851 году исполнил для персидского шаха проект «здания Совета с восточными банями», через два года – «для австрийского императора дворянский клуб, тогда же Академию художеств для герцога Тосканского», в 1855 году «проект памятника Иоганну Якобу Берцелиусу (?) для шведского короля», в 1858 – мечеть для турецкого

султана, в 1862 для португальского короля – (архитектурные) проекты памятников Васко да Гама, Кабралю и Камоэнсу. Автор всех статуй – известный португальский скульптор Витор Баштуш (1829–1894).

Памятник знаменитому поэту Луису Камоэнсу (ок. 1524–1580) стоит в Лиссабоне на площади его имени. Камоэнс представлен в полный рост с «Луизиадой» в руке, в окружении скульптур восьми его героев, размещённых у высокого пьедестала. Открывший Бразилию Педру Альвариш Кабрал (1467/8 – ок. 1520) увековечен в памятнике в стиле необарокко, который находится в бразильском городе Сальвадор, бывшем целых два века главным городом страны, ныне это центр провинции Баия.

Недалеко от этого города Кабрал вступил на землю Бразилии. Статуя мореплавателя венчает высокую колонну с двухступенчатым пьедесталом, украшенным аллегорическими фигурами. Надо напомнить, что во время открытия памятника Бразилией правил португальский король. Все эти сведения были найдены в Интернете.

Такой же пышный и сложный вид имеет памятник открывшему путь в Индию Васко да Гама (1460/69–1524), установленный близ Триумфальной арки.

Монумент Берцелиусу (1779–1848) стоит на довольно простом пьедестале в Стокгольме, в парке его имени. Ученый изображен во весь рост и держит в руках книгу. Протестантская эстетика повлияла на строгое архитектурное решение. Памятник был открыт 13 июля 1857 года. По модели шведского скульптора Карла Густава Кварнштрёма (1810–1867) он был отлит в Мюнхене¹⁵.

По состоянию здоровья Корсини какое-то время жил в Одессе, где в 1865 году стал одним из учредителей городского общества водоснабжения. В 1874 году он переселился в швейцарский город Лозанну и там, скончавшись от инсульта, был похоронен на местном кладбище.

В семье зодчего было трое детей: две дочери Екатерина (род. 1838) и Наталья (1841 – после 1913), сын Павел (1839–1896), оставшийся холостяком, отчего род Корсини по мужской линии в России угас. Мать этих детей, красавица и выпускница Екатерининского института, была одаренной литераторшей, которая много писала для детских журналов и пользовалась благосклонностью

критики. Её произведения, как и романы для взрослого читателя, отличались «безукоризненной нравственностью» и «полезным нравоучением» в христианском духе, восхваляли семейные ценности. Корсини была знакома с Н. В. Гоголем, А. Мицкевичем, П. А. Плетневым, И. И. Панаевым, В. Ф. Одоевским, А. И. Ишимовой, издававшей книги для детей. В наши дни её произведения не переиздавались¹⁶.

Сын Павел Иеронимович Корсини в 1864 году окончил юридический факультет Петербургского университета, но «имея наклонность к лесоводству, изучил относящиеся к нему науки и занимался практикой за границей в известных своей специальностью сельскохозяйственных заведениях и учреждениях и, наконец, был вольнослушателем в Петербургской Земледельческой школе». В июне 1870 года он получил звание «кандидата сельского хозяйства и лесоводства» и был определен запасным лесничим. Дольше всего (1880–1896) Корсини служил в Рунзерском лесничестве Олонецкой губернии. Скончался и похоронен в Петрозаводске¹⁷.

Сёстры Наталья и Екатерина (позже замужем за Висковатовым) тоже учились на юридическом факультете, но Наталья его не окончила. В университете она познакомилась с Николаем Исааковичем Утиным (1841–1883), сыном богатого еврейского банкира и «правой рукой Чернышевского. Молодой человек в 1862 году стал членом «Земли и воли» и вошёл в ЦК этой террористической организации. Опасаясь ареста, в 1863 году народоволец вместе с женой Натальей бежал за границу и позднее был приговорен к смертной казни. В 1867 году Утин вступил в Первый Интернационал, создал его русскую секцию и был в 1871 году делегатом Лондонского съезда.

Супруги жили в Лондоне и Женеве, общаясь с эмигрантами-революционерами. Были знакомы с А. И. Герценом, Н. Огаревым, М. Бакуниным и Марксом. Раскаявшись, Утин получил помилование и в 1878 году вернулся в Россию, чтобы оставшуюся часть жизни работать управляющим уральских заводов барона Гинцбурга.

Его жена стала – как и мать – писательницей и публиковала в журналах свои очерки («Людоедка. Очерк из жизни русских, праздновающих за границей. 1874»), пьесы и романы. Много шума наделал ее богатый скандальными подробностями роман «Два мира» (1875) о семейной драме Герцена. Однако большой литературной известности Утина-Корсини не добились¹⁸.

Поскольку И. Д. Корсини служил в очень многих ведомствах, некоторые его работы наверняка еще не обнаружены. Думается, когда это произойдет, значение зодчего в русской архитектуре периода позднего классицизма и ранней эклектики скорее всего возрастет, а пока он выглядит второстепенным мастером, каких довольно много в это время было в Петербурге. Однако и они заслуживают изучения, потому что без них архитектурная история города выглядит определенно беднее.

Примечания

¹ Соломатина Н. Н. О службе Доменико Корсини на сценах Императорских театров Санкт-Петербурга и альбоме его рисунков из собрания Государственного Русского музея // Россия-Италия. Общие ценности : сб. науч. ст. XVII Царскосельской конференции. СПб., 2011. С. 491.

² Там же. С. 491-492; РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3923. Л. 233; Д. 3926. Л. 185 об.

³ Жихарев С. П. Записки современника. Воспоминания старого театрала. Л., 1959. Т. 2. С. 290-291.

⁴ (D. Schmieder). Sanct-Peterburgisches Taschenbuch fürs Theater auf 1805. S. 76; Соломатина Н. Н. Цит. ст. С. 492.

⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 16. Д. 27; СПбВ. 1811. № 72. Приб. С. 9.

⁶ Соломатина Н. Н. Цит. ст. С. 495; Сыркина Ф. Я. Пьетро ди Готтардо Гонзага. М., 1974.

⁷ Саитов В. И. Петербургский некрополь. Репр. изд. 1912–1913 гг. СПб., 2006. Т. 1. С. 488; РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3963. Л. 119; ЦГИА СПб. Ф. 781. Оп. 4. Д. 67. Л. 878.

⁸ РГИА. Ф. 1343. Оп. 43. Д. 7219. Л. 3-11.

⁹ Там же. Л. 4-5.

¹⁰ РО РНБ. Ф. 708 (Собко). № 435; РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 3-К. Л. 1; Биографические сведения о членах Академии <...>, умерших в 1875–1878 гг. СПб., 1879. С. 19-21; Кондаков С. Н. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. СПб., 1914. Ч. 2. С. 344; Городской указатель, или Адресная книга... СПб., 1849. С. 5; Зодчие Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века. СПб., 1998. С. 1003.

¹¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 3-К; Михневич В. Петербург весь на ладони. Репр. изд. 1874 г. СПб., 2003. С. 461; Орлова М. И. Апраксин

двор // Ленинградская панорама. 1988. № 12. С. 29-30; *Апраксин П.* Апраксин двор в Санкт-Петербурге // Архитектура Петербурга : материалы С.-Петерб. ассоциации исследователей. СПб., 1992. С. 43-48; Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века. СПб., 1996. С. 170. В 1860 году Корсини выстроил внутри двора ягодный корпус.

¹² *Художественная газета.* 1837. № 22. С. 343-344; *Матвеев Б. М., Краско А. В.* Фонтанный дом. СПб., 1996. С. 73-84; *Горбатенко С.* Улянка – усадьба Шереметевых на Петергофской дороге // Памятники истории и культуры : исследования и материалы. СПб., 1997. Вып. 4.

¹³ *Антонов В. В.* Новое о старом. СПб., 2010. С. 134-137; *Бройтман Л. И., Дубин А. С.* Моховая улица. СПб., 2001. С. 21-22; *Никитин Ю. А.* Выставочный Петербург. СПб., 2003. С. 49-50.

¹⁴ РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 3-К. Л. 2; *Антонов В. В.* Усадьба, дворец, Дом трудолюбия // Невский архив. СПб., 2007. Вып. VII. С. 317-318; *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга. СПб., 2010. С. 207-208.

¹⁵ *Каптерева Т. П.* Искусство Португалии. М., 1990. С. 289, 315. Сведения о памятнике Берцелиусу сообщил И. В. Попов.

¹⁶ То же дело. Л. 5-8; Русские писатели. 1800–1917 : биограф. слов. М., 1993. Т. 3. С. 90-91.

¹⁷ РГИА. Ф. 387. Оп. 3. Д. 27723.

¹⁸ URL: [http:// ru.wikipedia.org/wiki/](http://ru.wikipedia.org/wiki/); *Павлюченко Э. А.* Женщины в русском освободительном движении. М., 1988.

*Валерий Григорьевич Исаченко,
искусствовед*

Архитектор Главного штаба

ответственную должность на рубеже XIX–XX вв. занимал выдающийся и чрезвычайно разносторонний специалист, военный инженер Вадим Платонович Стаценко (1860–1918). Потомок запорожцев, выпускник Николаевской инженерной академии, он стремительно вошел в архитектурно-строительную жизнь Петербурга и России, изумляя коллег не только поистине энциклопедическими знаниями, но и благородством, душевной щедростью и отзывчивостью. Его жизнь и творчество могли бы стать темой для романа или кинофильма. Вадима Платоновича любили и ценили люди различных профессий – от врачей и школьных учителей до И. Е. Репина, с которым он сдружился в Куоккале, где помогал художнику в перестройке его дачи. Репин восторгался дачей Стаценко, построенной в стиле модерн (не сохранилась). Среди друзей архитектора был и Ц. Кюи – не только композитор, но и инженер-фортификатор. Оба были профессорами Инженерной академии и обладали незаурядными литературными дарованиями. Учебные пособия и научные труды Стаценко и сегодня представляют интерес для специалистов.

Впечатляет перечень зданий, созданных при активном творческом участии Стаценко: реставрация Главного Штаба (правая часть здания), здание Бестужевских курсов на 10-й линии, 33-35, огромный комплекс построек Военно-медицинской академии, Соляной городок, знаменитый ДЛТ на Б. Конюшенной, 21... Не подлежат учету его экспертизы, консультации – ведь он был одним из лучших знатоков всевозможных строительных материалов и конструкций, особенно железобетона.

Инженерное дело Стаценко называл Искусством и сам он был художником и строителем, деятелем культуры и науки. Его литературные труды достойны специального рассмотрения, особенно книга

*Доходный дом
Мекленбург-Стрелицких.
Ул. Рубинштейна, 5*

*Собственный дом В. П. Стаценко.
Наб Мартынова, 60*

*Доходный дом В. А. Богдановича.
Ул. Восстания, 13 / пер. Ульяны Громовой, 1*

Здание евангелического приюта во имя св. Эммануила для детей-эпилептиков и идиотов. Ярославский пр., 4

«Гражданская архитектура», выдержавшая 10 (!) изданий, последнее – в 1931 г. Особое внимание он уделял гигиене жилища и всестороннему просвещению народа.

В 1896 – 1897 гг. по проектам Стаценко был построен крупный 5-этажный доходный дом Г. Г. Мекленбург-Стрелицкого (ул. Рубинштейна, 5) и реконструирован его особняк на Фонтанке, 46 (с расширением вглубь двора). В доме № 5 зодчий жил с семьей до 1914 г., то есть до постройки своего дома (Крестовский остров, наб. Средней Невки, 60). А рядом находился яхт-клуб, членом которого был архитектор. В 1899 – 1901 гг. Стаценко построил очень привлекательный по своему виду дом № 1/3 на углу Гусева (Ульяны Громовой) переулка и Знаменской (улицы Восстания).

Одна из лучших построек – приют для детей-эпилептиков на Ярославском проспекте, 4 (1907–1909 гг.) – первое в России учреждение такого рода. Стаценко также был инициатором сооружения этого здания.

Вадим Платонович не отличался хорошим здоровьем и умер в 1918 г. Его жена, Александра Васильевна, работала в музее истории Ленинграда и скончалась в блокадном городе. Память об этом прекрасном человеке живет в его постройках, в его книгах.

*Золотые кладовые:
библиотеки,
архивы,
музеи*

*Александра Аркадьевна Порунова,
заведующая библиотекой Музея Арктики и Антарктики*

Ю. М. Шокальский: взгляд из музея Арктики и Антарктики

Юлий Михайлович Шокальский – известный русский ученый океанограф, офицер флота, генерал-лейтенант (с

Ю. М. Шокальский

1912), который посвятил всю свою жизнь служению Родине. Во всех отраслях географических наук – океанографии и картографии, метеорологии и гидрологии, истории землеведения – специалисты сталкиваются с трудами этого выдающегося человека, энергичного, любознательного, трудолюбивого, который и в 70 лет не позволял окружающим считать себя старым. «Я лишь пожилой человек и умирать не собираюсь!» – говорил он. Такие же слова он произносил, когда ему исполнилось восемьдесят.

В последние годы жизни Юлия Михайловича часто спрашивали, каким образом он сумел сохранить в себе юную бодрость, на что ученый серьезно отвечал: «Кругом так много дела, что некогда следить за своим возрастом».

Но не только жизнелюбием и жаждой жизни отличался Юлий Михайлович. Это был патриот, который в своих работах уделял особое внимание роли русских географов и исследователей, подчеркивал мировое значение отечественной географической науки.

В своих выступлениях он постоянно вспоминал самоотверженных русских ученых и путешественников: Афанасия Никитина, в XV веке описавшего Индию, Семёна Дежнева, который в XVII веке прошел на своем судне из Ледовитого в Тихий океан и доказал, что Америка отделяется от Азии узким проливом.

Будущий ученый родился 17 октября 1856 года в Петербурге. Жизнь Юлия Михайловича охватила огромную эпоху от деревенской лучины и сальной свечи до неоновой лампы, от парусных судов до пароходов, от первых паровых двигателей до самолета и радио. Это если говорить о научном прогрессе. Что касается политической стороны, – это тоже был период гигантских сдвигов в устройстве общества: от отмены крепостного права (будущему ученому тогда было 5 лет) до кануна Великой Отечественной войны. Более 23 лет проработал Шокальский при советской власти. Он работал в тот самый период, когда техника стала большим подспорьем в научной деятельности, ему повезло – новая власть никак не помешала его работе.

Ю. М. Шокальский, будучи человеком выдержанным и находчивым в общении, был любим правительством, он стал представителем советской науки – делегатом Всесоюзного географического общества и принимал участие во всех международных конгрессах и съездах. Был командирован и в Рим, и в Сорбонну, в Варшаву, Берлин, Лондон и другие европейские города.

За выдающиеся работы в области географии Юлий Михайлович получил золотую медаль Американского географического общества в Нью-Йорке и «Исследовательскую медаль» от Шотландского географического общества. На мировой географической карте имя Юлия Михайловича Шокальского встречается не один раз. Его именем назван остров в Карском проливе, пролив в Антарктике у Земли

Александра I; известный русский полярник Г. Я. Седов в 1911 году именем Шокальского назвал ледник на Северном острове, в западной части Новой Земли. Исследователь Н. Н. Зубов назвал его именем теплое морское течение в Баренцевом море, идущее вокруг Шпицбергена и т. д.

После Юлия Михайловича осталось около 500 печатных трудов. Кроме того, имеются и статьи: критические, библиографические, написанные для энциклопедий, а также популярные и справочные, число которых более 800. Только журнал «Морской сборник» опубликовал свыше 300 его статей, которые ежегодно печатались в выпусках от 12 (1900 г.) до 32 (1905 г.). Шокальский несколько лет редактировал отдел библиографии этого журнала в области гидрографии, метеорологии, магнетизма, лодии и маячного дела, географических экспедиций.

На становление личности будущего ученого повлияло его окружение. Во-первых, это была его семья, бабушка Анна Петровна Керн, имя которой навеки связано со стихотворением А. С. Пушкина «Я помню чудное мгновение». Первые годы жизни Ю. М. Шокальский провел в селе Тригорском, где бабушка Анна Петровна, мать Екатерина Ермолаевна Керн прививали ему любовь к родной речи, к природе. Мать наставляла сына: «Распределяй свои дела так, чтобы все часы были заняты с пользой», «Старайся меньше думать о своих забавах – жизнь есть труд, а не удовольствие», «Помни, друг мой, что надо очень стараться учиться, чтобы сделаться человеком достойным уважения, иначе жизнь будет для тебя самого мукой и несчастьем для всех, кто тебя любит».

К сожалению, отец будущего ученого рано умер, ребенку было всего 5 лет. Но в его жизни, помимо любящих близких, появились друзья и наставники, которые повлияли на формирование интересов будущего ученого. Это, в первую очередь, известный географ и этнограф И. И. Шопен (брат композитора). Семья Шокальского сняла комнату в его квартире, когда мать Юлия Михайловича переехала в Петербург. Интерес к географии, который поддерживался постоянными беседами с И. И. Шопеном, и любовь к природе, возникшая в деревне с раннего детства, определили дальнейшую судьбу Юлия Михайловича.

Во время летних каникул, которые Шокальский проводил в Тригорском, он много общался с Григорием Александровичем Пушкиным – младшим сыном поэта. «Многим, очень многим я обязан ему в своем воспитании, в утверждении правил чести и духа нравственности, – писал Юлий Михайлович, – он меня и физически укрепил на охоте, верховой езде, пешей ходьбе и сельской работе».

Окончив четыре класса гимназии, Юлий Михайлович поступил в Морское училище. Получив чин гардемарина, он по собственному желанию был определен на таможенный крейсер, где прослужил около года. Постепенно молодой моряк стал сознавать, что строевая служба его не может удовлетворить. Ему захотелось расширить свои знания, и он стал готовиться к экзаменам для поступления в Морскую академию, которая должна была открыть перед ним широкие возможности. Шокальский уже тогда понимал, как важно накопить знания в начале жизни, от чего будет зависеть вся его дальнейшая деятельность.

Поступив в Морскую академию, он с отличием окончил ее и был направлен на работу в Главную физическую обсерваторию, где работал в течение двух лет заведующим отделением морской метеорологии и штормовых предупреждений. Так, Юлий Михайлович Шокальский начал свою научную деятельность в качестве метеоролога. Еще работая в Главной физической обсерватории, он стал хлопотать о зачислении преподавателем Морского училища. Он имел большую склонность к педагогической деятельности и был очень доволен, когда в 1882 году его назначили преподавателем метеорологии, навигации, высшей математики и географии в училище, в котором он когда-то сам учился. Шокальский увлекся полярными исследованиями. Подробное изучение условий плавания в полярных водах, особенностей ледовых условий привело ученого к главной специальности его жизни – к океанографии. (Впоследствии, в начале 1920-х гг., он станет членом Ученого совета Северной научной промысловой экспедиции ВСНХ, это был один из ведущих центров общегеографического и геологического изучения Арктики.)

В 80-х годах XIX века единственным центром географических наук в Петербурге, да и во всей России, было Географическое общество. В Академии наук географией занимались мало, в университетах же география делала только первые шаги. Профессор Д. Н. Анучин

в Москве и профессор А. И. Воейков в Петербурге читали лекции по географии, но не было ни географических факультетов, ни географических научно-исследовательских институтов. Юлий Михайлович обратился к Географическому обществу, которое было центром научной жизни в России; он был счастлив, когда его выбрали в действительные члены Географического общества, так как стремился к серьезной научной работе.

Когда Шокальский начал свою деятельность в Русском географическом обществе, во главе его стоял П. П. Семенов-Тянь-Шанский, крупнейший географ, великий путешественник, первый исследователь горной страны Тянь-Шань. Это было время последних замечательных путешествий по Тибету Н. М. Пржевальского и великих исследований Центральной Азии. Это было время, когда Н. Н. Миклухо-Маклай начал свои этнографические исследования. Ю. М. Шокальский в Географическом обществе интересуется темой освоения Арктики. Ему неоднократно удавалось пригласить для докладов выдающихся исследователей: Нансена, Амундсена, Шеклтона и др. Хотя сам Ю. М. Шокальский никогда не участвовал в полярных экспедициях, но он всегда внимательно следил за ними, знал всех крупных исследователей и оживленно с ними переписывался.

Вопросам Арктики Шокальский уделял особое внимание: еще в 1893 году он сделал в Географическом обществе доклад о возможности использования Северного морского пути и напечатал в «Морском сборнике» статью «Морской путь в Сибирь». Благодаря его непрестанным хлопотам исследователю адмиралу С. О. Макарову удалось добиться от правительства постройки первого крупного ледокола «Ермак» для полярных исследований.

Совместно с Д. И. Менделеевым и адмиралом С. О. Макаровым Юлий Михайлович Шокальский поставил вопрос о великом Северном морском пути, развивая дальше мысль М. В. Ломоносова, который в свое время разработал проект арктической экспедиции и сам начертил для нее карты северных полярных стран.

В статье «Морской путь в Сибирь» Шокальский дает исторический обзор попыток открыть северо-восточный путь из Европы в Сибирь через Северный Ледовитый океан. В конце статьи ученый указал необходимые меры для улучшения полярных плаваний. Когда Юлий Михайлович работал над своей статьей, не только никто не интересовался Северным морским путем, но и термина этого не

существовало. Шокальского можно по справедливости считать одним из пионеров в деле открытия Северного морского пути в Сибирь.

Юлий Михайлович рассматривал свою работу в Географическом обществе как служение отечеству: занимаясь океанографией и картографией, изучая ледовые условия на Севере, он помогал изучению страны, трудами по метеорологии стремился обезопасить морской флот, оказать помощь населению. Все занимаемые им в обществе должности были выборные, неоплачиваемые, и только его добрая воля и сознание приносимой пользы давали ему силы и энергию для выполнения такого сложного общественного служения, как работа в Географическом обществе в течение 58 лет до последнего дня жизни.

В 1910 году Шокальский был избран профессором Военно-Морской академии, где читал курс физической географии, океанографии в течение 20 лет. Он часто повторял своим слушателям и аспирантам: «Помните, друзья мои молодые, что я для вас только товарищ, старший товарищ, а не профессор».

В 1920 году в Академии наук начались планомерные совещания по изучению и практическому использованию русского Севера. Юлий Михайлович был привлечен к этим совещаниям как представитель Географического общества. В 1922 году он был избран профессором Географического факультета Ленинградского университета, где работал до конца жизни, читал курс океанографии и картоведения.

Ученый великолепно сочетал педагогическую деятельность с научно-исследовательской работой. Преподавал математику, навигацию и физическую географию в Морском училище, затем началась его педагогическая деятельность в Морской академии, где он в течение 20 лет состоял профессором, занимал кафедру физической географии и руководил работой гидрографического факультета. Далее он преподавал в Педагогическом институте, Географическом институте и Ленинградском университете.

Научно-исследовательская деятельность Шокальского была посвящена обследованию и съемке рек северо-восточной части Европейской России, изучению гидрологического режима Ладожского озера (площадь озера, объем водной массы, глубина). Затем внимание Ю. М. Шокальского сосредоточилось, главным образом, на морях. Он с большим вниманием следил за новой океанографической литературой. Как крупного географа, его интересовали все моря Совет-

ского Союза. Под редакцией Ю. М. Шокальского и Б. Ю. Петри был издан «Большой всемирный настольный атлас», включавший 62 главных и 160 добавочных карт и выдержавший три выпуска. В своем самом фундаментальном труде «Океанография» (1917) Ю. М. Шокальский впервые в России систематизировал многолетние наблюдения и теоретически обосновал причинную связь явлений в мировом океане, доказал необходимость изучения в единстве морской гидрологии и метеорологии. Работа получила первую премию Российской и премию Парижской академий наук.

В 1939 году Юлий Михайлович был избран почетным членом Академии наук СССР.

В жизни выдающегося ученого был продолжительный период, когда он непосредственно руководил Морской библиотекой¹. В 1891 году Ю. М. Шокальский, тогда преподаватель Военно-морского училища, был назначен заведующим Главной морской библиотекой в Адмиралтействе, которая потом стала называться библиотекой Морского министерства. Работая в библиотеке, он продолжал преподавать в Морском училище и много времени посвящал Географическому обществу. Заведующим библиотекой он оставался 17 лет, пока не был назначен начальником гидрометеорологической службы Гидрографического управления в 1907 году. Под его руководством были составлены алфавитный и систематический каталоги. О высоко

¹ Библиотека Адмиралтейств-коллегии (Морского Министерства, ныне Центральная военно-морская библиотека) основана в 1799 г. при Ученом Комитете Адмиралтейств-коллегии, размещалась в здании Главного Адмиралтейства. С 1805 г. библиотека вошла в состав Адмиралтейского департамента и подчинялась директору Морского Музея гр. К. де Местру. К 1825 г. библиотека выделилась из состава Музея, с 1827 г. была присоединена к Гидрографическому депо, в 1837 г. преобразованному в Гидрографический департамент. В 1860–1891 гг. библиотека подчинялась Морскому ученому комитету Морского министерства. В 1891 г. ее включили в Главное гидрографическое управление и ее библиотекарем стал Ю.М. Шокальский. В 1917 г. библиотека стала называться Библиотекой Морского Комиссариата, с 1923 г. – Главной Морской Библиотекой, с 1938 г. – Центральной военно-морской библиотекой. В 1940 г. ее перевели в здание бывшей Фондовой биржи (Пушкинская пл., 4). В 1957 г. библиотека переехала в Михайловский замок (Садовая ул., 2). (Три века Санкт-Петербурга: энцикл.: в 3 т. СПб., 2001. Т. 2: Девятнадцатый век, кн. 1. А-В / [гл. ред. В.В. Яковлев]. – 2003. – С. 310-311.)

ценимой им работе в библиотеке он сообщал в своей автобиографии, написанной в 1938 году.

Библиотека Морского министерства была основана в 1805 году как часть музея в составе Адмиралтейского департамента. Первым заведующим и одновременно директором Морского музея, при котором числилась библиотека, был назначен подполковник граф де Местр. Одновременно с утверждением положения о библиотеке и отпуском на ее содержание особых сумм, осуществился и другой, еще более важный шаг: было создано ее драгоценное книжное ядро, которое и по сей день является гордостью Морской библиотеки. Это удалось сделать путем приобретения в Дании замечательного книжного собрания – фамильной библиотеки графов Бернсторфов, три поколения которых были датскими министрами. Библиотека Бернсторфов была типичной библиотекой энциклопедистов XVIII века. Это было собрание книг по истории, математике, астрономии, географии и т. д. Книги были на всех европейских языках, за исключением русского.

Библиотека быстро пополнялась благодаря систематическому приобретению новых книг, пожертвованиям отдельных книг, целых коллекций. Указом от 27 ноября 1835 г. предписано было доставлять в Морскую библиотеку по два экземпляра издаваемых в России географических карт, статистических таблиц и географических описаний. Книги приобретались в основном по физике, астрономии, географии, а, главным образом, конечно, по всем отраслям морского дела.

До прихода Ю. М. Шокальского в библиотеке была систематическая расстановка книг. Неизбежно пропадало много места в шкафах, а вновь поступающие книги без нарушения существующей системы расстановки ставить было некуда. Это вело к нарушению порядка в книгохранилище, что при уже значительных размерах библиотеки Морского министерства (около 50 000 томов) затрудняло поиск книг. В 1889 г. Морской ученый комитет постановил произвести переустройство библиотеки и перейти на форматную расстановку книг. К сожалению, выбранная система форматной расстановки книг была уже устаревшей. Это была известная «собольщиковская» крепостная система расстановки, при которой место каждой книги определяется номерами шкафа, полки и места на полке, т. е. навсегда прикрепляется к данному шкафу и не может быть переставлена без

полной перемены ее библиотечного шифра. Таково было состояние библиотеки Морского министерства ко времени вступления Юлия Михайловича Шокальского в должность ее библиотекаря. Юлию Михайловичу пришлось продолжить принятую «крепостную» систему расстановки (т. к. половина имеющихся книг уже была расставлена таким образом).

Не будет преувеличением считать, что именно работа в библиотеке положила начало огромной и разносторонней эрудиции Шокальского. Параллельно с работой по инвентаризации и расстановке книг и составлению алфавитного каталога, Юлий Михайлович приступил к другой, более сложной работе – составлению нового систематического каталога библиотеки Морского министерства, имевшей к 1907 г. 36 296 сочинений в 68 168 томах. Детальная разработанность системы и продуманность всего строения выпущенного Юлием Михайловичем тома «Систематического каталога Библиотеки Морского министерства» делают этот каталог одним из лучших систематических каталогов русских научных библиотек. Так же Шокальский составил указатель статей периодических изданий, следил, чтобы библиотека пополнялась выходящими в России и за границей сочинениями по всем отраслям морского знания.

Библиотека Морского министерства начала новую жизнь. Из библиотеки-архива она сделалась научным книгохранилищем, в котором, кроме фонда старых книг и периодики, имелись все новинки литературы по военно-морскому делу со всего мира. Возросло количество читателей. А в 1900 г., благодаря хлопотам Юлия Михайловича, в библиотеке было устроено электрическое освещение.

Многие высокообразованные и способные люди посвятили всю жизнь работе в научных библиотеках и нередко именно эта работа являлась итогом их служебной и научной деятельности, доставлявшим им общественное признание. Юлий Михайлович Шокальский мог бы сказать про себя, что жизнь прожита не зря, даже если бы его деятельность ограничивалась только библиотекой Морского министерства.

Умер ученый 26 марта 1940 г. На доме 27 по Английскому проспекту установлена мемориальная мраморная доска: «Здесь жил, работал и скончался русский географ, почетный академик Юлий Михайлович Шокальский. Родился в 1856 году, скон. В 1940 году».

Похоронен в Санкт-Петербурге, на Литераторских мостках Волковского кладбища.

В музее Арктики и Антарктики, что расположен на улице Марата, 24 а, можно увидеть в отделе «Природа Арктики» макет – Арктика в виде сегмента глобуса, выполненного по картографическим материалам Юлия Михайловича Шокальского.

Список литературы

1. Памяти Юрия Михайловича Шокальского : сб. статей и материалов. Ч. 1 / под ред. И. Ю. Крачковского. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.

2. *Андреева Е. Ю.* М. Шокальский: океанограф, метеоролог, географ. – Л.: Гидрометеорологическое изд-во, 1956.

3. Ю.М. Шокальский : некролог / А. Лактионов // Проблемы Арктики. – 1940. – № 4. – С. 98.

4. Географический сборник XII : научная сессия, посвященная памяти Ю. М. Шокальского (1856–1956). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957.

*Стелла Израилевна Дымшиц,
преподаватель истории искусств,
Наталия Анатольевна Шаталова,
ведущий библиограф
Художественного училища им. Н. К. Рериха*

Костел Пресвятой Девы Мари Кармельской в Гатчине: к 100-летию освящения

Среди пригородов Петербурга Гатчина занимает особое место. Самим фактом своего рождения в конце XVIII века город обязан Павлу I, его идее о городе-крепости, типичной для европейского средневековья. Зависимость от личных вкусов и пристрастий императора, жившего в своем, изолированном от окружающей жизни мире, определила первоначальный облик города и повлияла на его структуру в дальнейшем. Несхожесть Гатчины с другими царскими резиденциями – Петергофом, Царским Селом, Павловском – прослеживается не столько в том, что она возникла по воле императора (все дворцово-парковые ансамбли и города при них сооружались

именно по этой причине), сколько в ее художественной специфике, в основе которой лежит мечта Павла I о средневековом городе немецкого типа.

Первый из исследователей, обративший внимание на романтические тенденции в облике города, был Н. Лансере, известный архитектор и художник. В статье «Архитектура и сады Гатчины», опубликованной в журнале «Старые Годы» в 1914 году, он писал, что при Г. Орлове возводилась суровая, строгая, почти что «скучная» своим однообразием архитектура, а когда Гатчина перешла во владение великого князя наследника русского престола Павла Петровича, «понастроившего гауптвахты, казармы, заставы – постройки стали поражать то сочными профилями, то, наоборот, изящной отделкой, тонким вкусом и живой уютностью»¹. Как правильно заметил Лансере, эти противоречия определили сущность градостроительной идеи Гатчинского комплекса. Так формировалась одна из основных тенденций в облике города – романтическая. Более целостно она проявилась в застройке конца XIX – начала XX века.

В этот период, в эпоху модерна, неоромантическое направление в архитектуре Гатчины было представлено костелом Пресвятой Девы Марии на Александровской улице (ныне улица Володарского), руины которого сегодня привлекают своей живописностью, внушительными размерами и той ролью, которую они играют в окружающем пространстве.

С момента своего основания Гатчина являлась городом многонациональным. Горожане были разных вероисповеданий, принадлежали к разным религиозным конфессиям. Согласно переписи 1893 года, в городе насчитывалось 83,5% православных, 9,5% лютеран, 5% католиков (704 человек), 2% иудеев (302 человек), 0,1% мусульман (21 человек). К 1915 году католический приход насчитывал 2100 прихожан и считался одним из самых больших иноверческих приходов в городе. Первые упоминания о католиках встречаются в архивах Гатчины за 1800 год². Тогда император Павел I разрешил местным

¹ Лансере Н. Архитектура и сады Гатчины // Старые годы. 1914. № 7/9. С. 21-22.

² Нехай А. Католические храмы Гатчины // Старая Гатчина. СПб., 1996. С. 157.

католикам устроить небольшую часовню в частном доме. В первой половине XIX века католические мессы служили в лютеранской кирхе святого Николая, в зале Императорского Сиротского института, при котором находилась римско-католическая капелла.

20 апреля 1876 года по поручению гатчинской общины профессор римско-католической Духовной академии капеллан при Сиротском институте, настоятель царскосельской церкви Св. Иоанна Предтечи Константин Леонович Мацулевич приобрел за 1050 рублей у рядового Ивана Тимашева земельный участок в Ингенбургской части между улицами Безымянной и Александровской, со всеми постройками и незаконченным домом под постройку католической кирхи³.

Строительство велось быстро. Уже в октябре 1876 года деревянная кирха была готова, а в декабре того же года ее освятили. Деревянная кирха вмещала 400 человек. Однако приход рос, и возникла необходимость в расширении кирхи. Ее новый капеллан Антоний Бересневич подал прошение о постройке нового каменного костела в Министерстве Императорского двора⁴. Только через 20 лет, в 1906 году, удалось собрать необходимые средства для строительства. Ксендз Франциск Стракшас дал разъяснение Дворцовому управлению по поводу имеющихся средств, собранных прихожанами. Они включали специально для этой цели завещанную недвижимость, материалы для постройки фундамента, наличные деньги. Остальную недостающую сумму (смета составляла 37 319 рублей) верующие обязались собрать из добровольных пожертвований. В июне 1906 года было получено разрешение на строительство (чертежи утверждены бароном Фредериксом), и в сентябре состоялось освещение фундамента строящегося костела. Строительство велось с перерывами до 1911 года при участии гражданских инженеров Л. Шишко, Л. Харламова, П. Трифанова и архитектора А. Барышникова. Земельный участок под застройку был обмерен еще в 1886 году архитектором главного дворцового управления Н. В. Дмитриевым (1856–1918), работавшим в Гатчине с 1885 по 1903 год. Дмитриев окончил Институт гражданских инженеров в 1876 году и на тот момент являлся почетным членом и архитектором Гатчинского благотворительного

³ Там же. С. 158.

⁴ Там же. С. 158.

общества, членом Общества архитекторов, неоднократно избирался председателем Общества гражданских инженеров в Петербурге. По его проектам в Гатчине были построены церковь во имя Всех Святых на городском кладбище, городской водопровод с водонапорной башней, реальное училище имени Александра III, семь зданий различных оранжерей.

Костел Пресвятой Девы Марии сооружался в два этапа. Первый период с 1906 по 1907 год – осуществлялся под руководством Л. Шишко.

Лев Петрович Шишко (1872–1942) родился в Царском Селе. Окончил Институт гражданских инженеров с золотой медалью за архитектурный проект и серебряной за работу по строительной механике. Его имя, как одного из лучших выпускников, было высечено на мраморной доске в вестибюле этого учебного заведения. Он начал свою профессиональную деятельность в технико-строительном комитете Министерства внутренних дел. В дальнейшем служил в Департаменте народного просвещения. Построил ряд школьных зданий в Петербурге (школу в Соляном пер., д. 12), доходные дома, первый в России крытый бассейн с гимнастическим залом для мужской гимназии (ул. Правды, д. 11). Шишко преподавал в Институте путей сообщения, в Институте гражданских инженеров, в Горном и Электротехническом институтах, Академии художеств и училище технического рисования имени барона Штиглица, с 1913 года занимал должность профессора Технологического института.

С 1899 года Шишко служил в должности архитектора римско-католической духовной коллегии и Александро-Невской лавры, затем в Департаменте духовных дел. В 1900-х годах принимал участие в разработке смешанного цементно-известкового раствора, который он применил при строительстве гатчинского костела⁵. Поэтому не случайно именно ему поручают разрабатывать проект строительства костела. Но архитектор отступил от первоначального проекта, и администрация костела отказала ему в надзоре за строительством.

Второй этап (1907–1911) был связан с деятельностью инженера П. Трифанова. Скорее всего, общее руководство строительными работами велось под наблюдением главного архитектора Гатчины

⁵ Зодчий. 1901. Авг. С. 99-100.

коллежского асессора, архитектора VI класса Л. М. Харламова. Несмотря на старания администрации костела, в окончательном варианте оказались не предусмотренные проектом хоры с винтовой лестницей и подвал. Приемная комиссия решила открыть костел при условии, что прихожане на хоры допускаться не будут. А во время службы здесь находились только органист и певчие.

13 ноября 1911 года огромный костел Пресвятой Девы Марии, одновременно вмещающий до полутора тысяч человек, был вновь освящен и предоставлен верующим. В этом сооружении тесно переплелись принцип «умного выбора», свойственный эклектике (обращение к приемам романской и готической архитектуры) и рационалистические тенденции модерна, выразившиеся в единстве функциональных, технических качеств с высокохудожественным обликом постройки.

Строители костела создали удобное в функциональном отношении здание, применив современные инженерно-технические достижения, например, железобетонные перекрытия. Русские зодчие подвергли конструктивному осмыслению европейскую готику. В силу рациональных качеств последней, архитекторы смогли переосмыслить роль стены, которую теперь рассматривали как облегченную плоскость, почти лишённую декора. Они отводили большую роль пространству и объёму. Суть их метода заключалась не в деталях, а в формообразующих принципах. Поэтому особую выразительность стали приобретать линия, цвет, фактура. В рамках модерна характерное для неоромантизма стремление к монументальности, статичности часто приводило к геометрической схематизации формы. Эти черты можно обнаружить в гатчинском костеле. Причем, в нем ощущается близость к стилистике «северного модерна», восходящей к приемам финской архитектуры. Примером этому может служить контраст фактур: гладкая, неоштукатуренная кирпичная кладка стены здания с грубо обработанными, «рваными», крупными каменными блоками ограды, а также лаконизм форм, выразительность силуэтов.

Костел строили на небольшом участке земли (82,2 на 63,5 погонных сажени), который ограничивался шириной улицы и соседними домами. Но зодчие умело вписали его в существующую уже к тому времени архитектурно-пространственную среду. Костел стал

доминантой, высотным акцентом, властно подчиняющим окружающую застройку этого района города, и играл важную градообразующую роль.

Из воспоминаний старожилов Гатчины известно, что с южной стороны костела находился сад. Белые розы высоко подымались, оплетая стрельчатые окна и стены из темно-красного кирпича. Розы вились и по изгороди, наполняя сад ароматом цветов. Костел приписали к храму Святой Екатерины на Невском проспекте в Петербурге: «каменная церковь Девы Марии в Гатчине, филиал на правах приходского храма. Построена на пожертвования ксендозом Стракшасоле в 1911 году»⁶. Многие настоятели петербургского храма Святой Екатерины начинали свою службу в Гатчине.

С 1892 года храм Святой Екатерины вместе с приказом возглавили священники из диоцезного (белого) духовенства. В конце XIX – начале XX веков настоятелем храма являлся Эразм Ключевский. Он родился в Каменец-Подольске, закончил духовную семинарию и затем петербургскую Духовную академию. За хранение листовок революционного содержания, подстрекательство молодежи к бунту лишен гражданских прав и приговорен к 10 годам каторги, которую отбывал в Сибири с 1863 по 1874 год. Только в 1883 году он смог приступить к педагогической деятельности в Одессе.

Костел в Гатчине

⁶ Ханковска Р. Храм Св. Екатерины в Санкт-Петербурге. СПб., 2001. С. 74.

В Петербург Ключевский прибыл в 1890 году. Он стал работать в Духовной академии управляющим хозяйством, а затем капелланом в гатчинском храме. В 1901 году его назначили каноником Могилевского капитула, но он многие годы оставался членом благотворительного общества костела Святой Екатерины в Петербурге⁷.

В гатчинском костеле Девы Марии с 1919 по 1931 год служил настоятель Владислав Чегис – выходец из Ковенской губернии, которого возвели в римско-католический сан по окончании петербургской духовной семинарии. Одновременно со службой в Гатчине, отец Чегис проповедовал в Елабуге, Волосове, Новой Ладоге. Последние четыре года службы он являлся настоятелем костела Св. Екатерины в Ленинграде. В 1931 году Владислав Чегис арестован за антисоветскую деятельность и приговорен к 10 годам лагерей, но он срок не отбыл, так как по обмену в 1933 году выехал в Литву⁸.

Судьба гатчинского костела трагична. Она похожа на участь многих церквей советской эпохи. В 1922–1923 годах храм закрыли, затем он снова действовал до 1937 года, а в январе 1939 года его закрыли официально и окончательно. Здание сильно пострадало в годы Великой Отечественной войны и продолжало разрушаться из-за эксплуатации в послевоенное время. Здесь поочередно располагались хлебозавод, торговые мастерские, гараж.

Возрождение костела Девы Марии в Гатчине началось с 1990-х годов: в 1992 году был организован католический приход Пресвятой Девы Марии, а в 1994 году руины возвратили верующим, и в капелле собора, которая сохранилась лучше всего, возобновилась служба. Здание вновь обрело свою душу. Восстановление костела требует больших финансовых затрат, продуманных профессиональных действий в области реставрации, что позволит вернуть не только религиозное назначение, но и статус памятника, занимающего важное место в облике города. Хочется надеяться, что найдутся меценаты, способные возродить этот интересный памятник русской архитектуры.

⁷ Там же. С. 71-72.

⁸ Глезеров С. Судьба гатчинского костела // Гатчинская правда. 2011. 13 янв.

Список литературы:

1. Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века : справ. / под ред. Б. М. Кирикова. – СПб., 1996.
2. Архив гатчинского краеведческого музея.
3. *Барановский В.Г.* Юбилейный справочник, содержащий сведения о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров. 1842–1892. – СПб., 1893.
4. *Глезеров С.* Судьба гатчинского костела // Гатчинская правда. – 2011. – 13 янв.
5. *Горюнов В.С., Тубли М.П.* Архитектура эпохи модерна. – СПб., 1992.
6. Зодчий. – 1901. – Авг.
7. Зодчий. – 1903. – № 4. – Янв.
8. Зодчий. – 1903. – № 17. – Апр.
9. Зодчие Санкт-Петербурга XIX – начало XX века / сост. В.И. Исаченко. – СПб., 2000.
10. *Исаченко В.Г.* Дмитриев Николай Всеволодович (1856–1918): труд, отданный народу // Ленингр. панорама. – 1982. – № 3. – С. 30–33.
11. *Исаченко В.Г.* Лев Шишко // Зодчие Санкт-Петербурга XIX – начало XX века. – СПб., 2000.
12. *Кириллов В.В.* Архитектура русского модерна. – М., 1979.
13. *Лансере Н.* Архитектура и сады Гатчины // Старые годы. – 1914. – № 7-9.
14. *Нехай А.* Католические храмы Гатчины // Старая Гатчина. – СПб., 1996.
15. *Ханковска Р.* Храм Св. Екатерины в Санкт-Петербурге. – СПб., 2001.

Проба пера

*Анастасия Юрьевна Шашкова,
учащаяся школы № 183*, слушатель
юношеского отделения Университета Петербурга*

К. А. Шильдер «...Такого второго не будет и по знанию, и по храбрости»

Адъютант императора Николая I Карл Андреевич Шильдер был знатен и знаменит: он отлично строил, оборонял и захватывал крепости, прославился личной храбростью на поле боя. Его изобретения опередили время. Ученики военного инженера, в том числе Э.И. Тотлебен, так же честно и талантливо служили России.

Петербург пушкинских времен был местом учебы и службы Карла Андреевича. Из Петербурга Шильдер отправлялся в походы, сюда возвращался раненый и награжденный. В столице и ее окрестностях, на Неве и в Финском заливе испытывались его изобретения. Здесь жила семья генерала, учились дети.

* Руководитель – Ирина Захаровна Захваткина, преподаватель-методист.

В петербургских музеях хранятся портреты Шильдера, макеты изобретений, принадлежавшие ему вещи. В энциклопедиях и справочниках легко найти биографию генерала, которая почти всегда заканчивается характеристикой, данной ему Николаем I: «...такого второго не будет и по знанию, и по храбрости» [8, с. 5].

Карл Андреевич Шильдер

Но в Петербурге, военной столице России, нет ни одного памятного знака в честь выдающегося инженера-фортификатора, изобретателя, автора первой в России цельнометаллической подводной лодки. Могила боевого генерала уничтожена.

Карл Шильдер родился 27 декабря 1785 года (ст.с.) в имении Симаново Невельского уезда Витебской губернии в лютеранской семье выходцев из Прибалтики. Он получил хорошее домашнее образование, потом был определён в Московский университетский пансион¹, где проявил способности к точным наукам, иностранным языкам, к музыке и рисованию. Даже в военное время Карл Андреевич устраивал музыкальные вечера, на которых исполнялись произведения Моцарта и Гайдна, его любимых композиторов [13, с. 6], «чтобы не сделаться совершенным варваром под непрестанным громом пушек», – напишет он во время Крымской войны [23, с. 729]. Сохранилось несколько рисунков К. Шильдера, в частности акварель «Вид города Варны в 1828 г.» [5, с. 6]

Мечта К. Шильдера о военной карьере исполнилась, когда он, стараниями старшего брата, был зачислен в 1802 году унтер-

¹ Московский университетский благородный пансион (1779–1830) – закрытое учебное заведение при Московском университете для юношей из дворянских семей.

офицером в Московский гарнизонный батальон. «Любовь к военной службе, при чрезвычайных способностях» обратила на себя внимание П.К. Сухтелена². Граф набирал молодых людей, которые бы «служая в звании колонновожатых» в Депо карт³, «получали там окончательное военное образование, а по производстве в офицеры поступали в свиту» Его Императорского Величества «по квартирмейстерской части, которая соответствовала нынешнему генеральному штабу». [17, с. 6-7]. Так К. Шильдер в 1803 году оказался зачисленным в Депо карт. Главным занятием были геодезические съемки. Преподавалась и фортификация, которую Шильдер с особым интересом изучал. Депо карт располагалось в одном из зданий на Дворцовой площади в Петербурге [16, с. 14].

Учеба была прервана в 1805 году, когда Шильдера отправили в штаб генерала Л. Л. Беннигсена, корпус которого входил в состав армии И. И. Михельсона. Позднее Шильдер был переведен в армию М.И. Кутузова. Битва под Аустерлицем в 1805 году была боевым крещением Карла Андреевича. Храбрость его была отмечена первой наградой – орденом св. Анны 4-й степени. По окончании военных действий Карл Шильдер вернулся в Петербург, продолжил прерванные занятия в Депо карт и, выдержав экзамен, получил чин поручика с назначением во 2-й Пионерный полк. С этого времени началась его служба в инженерных войсках.

В 1811 году Шильдеру вместе с другими способными инженерами поручили строительство крепости в приграничном Бобруйске. К началу войны 1812 года укрепления были возведены, пушки установлены, но в гарнизоне был недостаток офицеров. Комендант крепости генерал Игнатьев назначил Шильдера исполнять должность артиллерийского офицера. В этом качестве он и участвовал в успешной обороне Бобруйска.

² Павел Петрович Сухтелен (1788–1833) — российский генерал, оренбургский губернатор; почетный член Военно-ученого комитета, его фамилия выгравирована на юбилейной медали «В память 50-летия Корпуса военных топографов».

³ Собственное Его Величества Депо карт — управление централизованной картографической службой императорской России во времена императоров Павла I и Александра I; в 1812 году вошло в состав Военно-топографического депо с подчинением Военному министерству.

В сентябре 1812 года штабс-капитан Шильдер прибыл к новому месту службы – в Саперный полк, в корпус генерал-лейтенанта В. И. Эртеля, который оборонял подходы к реке Припяти. К этому времени Бородинское сражение уже закончилось, Москва была занята армией неприятеля, формировались новые части войск для пополнения русской армии. Штабс-капитану Шильдеру было поручено формирование полуроты конно-казацкой артиллерии, во главе которой он примкнул к отряду знаменитого казачьего полковника Г. А. Луковкина. Известно, что Шильдер участвовал 9 ноября в бою у селения Уша, где были разбиты два батальона наполеоновской армии. Были взяты пленные и захвачен обоз.

В феврале 1813 года К.А. Шильдер произведен в капитаны и назначен в 1-й Саперный батальон. В течение нескольких месяцев 1813 года саперы вместе с крестьянами окрестных деревень и пленными французами строят укрепления в городе Борисове на реке Березине. В походах 1813 и 1814 годов Шильдер участия не принимал, т. к. батальон его оставался в России.

Послевоенная карьера Карла Андреевича складывалась удачно, хотя на несколько лет он увольнялся с военной службы. В 1826 году полковника Шильдера переводят в лейб-гвардии Сапёрный батальон⁴, который он будет возглавлять с 1828 по 1836 год. Служа в инженерных войсках, Шильдер приступает к усовершенствованию технического оснащения армии.

В 1828 году началась война с Турцией. Пешком, через Гатчину, на Псков, к Днепру следуют саперы, а за ними тащатся фуры с двумя мостами. Один из них – висячий особой конструкции – первое инженерное изобретение Шильдера. Он будет усовершенствован и не раз выручит армию.

Саперный батальон прославился под Варной и Силистрией, где русская армия одержала победы, причем с минимальными людскими потерями. Среди причин этого — грамотные планы инженерных работ, подготовленные и осуществленные К. А. Шильдером, и личная храбрость командира [6, с. 4-6]. Использование плавучих ракетных

⁴ Лейб-гвардии Сапёрный батальон – первая отдельная часть инженерных войск в составе императорской гвардии. Батальон основан в 1812 г. императором Александром I, расформирован в 1918 году.

батареи⁵ также способствовало успеху. Батальону было предоставлено почетное право первым вступить в покоренную Варну. Полковник Шильдер повел гвардейских «сапер» через пролом с музыкой и развернутыми знаменами.

Наградой К.А. Шильдеру были ордена Св. Георгия 4 и 3 степеней и чин генерала. Батальон получил Георгиевское знамя с надписью «За отличие при осаде и взятии крепости Варны в 1828 г.». По повелению императора Николая I художник А.И. Зауэрвейд изобразил один из моментов взрыва бастионов крепости Варна на картине, предназначенной для Зимнего дворца.

В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится рисунок Г. Габаева⁶ «Подвиг сапера Герасима Шулепова под Варной, спасшего жизнь К.А. Шильдера». Командир батальона «был сильно утомлен бессменным руководством работами в течение последних трёх суток и, не желая покидать сапу⁷, прилегал отдохнуть около тура⁸. Этот тур оказался первым, выломанным турками при их внезапной атаке, и уже один турок взмахнул саблей над головой полковника, но тут же был заколот охранявшим сон любимого командира» [5, с. 6]. Интересную деталь сообщает Г. Габаев в другой своей работе: «Сапер Его Вел. роты Герасим Шулепов... проплясал среди песенников всю дорогу от Петербурга до Варны» [8, с. 7]. «В полном снаряжении перед строем», – добавляет Г. Мазинг и высказывает предположение, что Шулепов послужил прообразом пляшущего перед строем солдата в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» [17, с. 21].

⁵ Плавучие батареи – парусно-гребные суда, предназначенные для огневой поддержки войск, действующих на побережье, бомбардировки приморских укреплений, обороны баз и т.п.

⁶ Георгий Соломонович Габаев (1877–1945 гг.) – последний командир Саперного батальона (июль 1917 – март 1918 гг.); военный историк.

⁷ Сапа – траншея, применявшаяся в XVI – нач. XX вв. при осаде и взятии крепостей для постепенного приближения под огнем противника к его укреплениям (отсюда – саперы). В переносном смысле – «тихой сапой» – скрытно и медленно.

⁸ Тур – плетеная из прутьев корзина, наполненная землей или хворостом; служила для защиты обороняющегося от стрелкового огня.

В 1831 году генерал Шильдер в качестве начальника инженеров Гвардейского корпуса был отправлен вместе с Сапёрным батальоном в Польшу. В сражении под Остроленкой Шильдера ранили в ногу, и штурмом Варшавы он руководил на костылях [8, с. 7]. Лейб-гвардии Сапёрный батальон также проявил себя во время штурма с наилучшей стороны, поэтому был награжден двумя серебряными Георгиевскими трубами с надписью: «За Варшаву 25-го и 26-го Августа 1831 года». До революции 1917 года они хранились в музее батальона, который располагался, по гвардейской традиции, в батальонной церкви, т.е. в церкви Космы и Дамиана.

Вернувшись в Петербург, генерал К.А. Шильдер в сотрудничестве с П. Л. Шиллингом проводил опыты по воспламенению пороховых зарядов посредством гальванизма, одобренные Николаем I.

В 1834 году на Александровском (ныне Пролетарском) заводе была изготовлена по проекту К. Шильдера цельнометаллическая подводная лодка. Шильдер считал лодку единственной возможностью «к подводному минированию неприятельских кораблей» [17, с. 67]. Известно, что главным руководителем работ был котельный мастер Григорий Горохов, который получил за свою работу 2000 рублей.

Все работы первоначально оплатил Карл Андреевич. Позднее сумма в 23 448 рублей была возвращена ему из казны. Вооружение и оборудование лодки, представлявшее военную тайну, было произведено в мастерских лейб-гвардии Саперного батальона, за исключением ракет, которые были доставлены из Петербургского ракетного заведения⁹ [17, с. 83].

Лодка могла перемещаться автономно и производила запуск ракет, воспламеняемых электрическим током, из-под воды. Испытания проходили неоднократно то на Неве, то в Финском заливе. К. А. Шильдер установил на лодке простейший зеркальный перископ, но изображение получалось размытым. Поэтому во время испытаний Шильдер стоял на палубе и подавал сигналы о направлении движения. При этом «надевал на себя костюм из непромокаемой материи; на спине имел резиновый ранец, наполненный сжатым

⁹ Петербургское ракетное заведение – первое в России промышленное предприятие по производству боевых ракет; основано в 1826 году на базе Охтинского порохового завода; на Волковском поле находился специальный ракетный полигон.

воздухом, а на ногах башмаки со свинцовыми подошвами для сохранения в воде вертикального положения» [19, с. 204].

Над Шильдером посмеивались, но все признавали, что целеустремлённость, принципиальность, невероятная храбрость, пылкость, горячность, порой и вспыльчивость – основные черты характера Карла Андреевича. Они проявлялись в равной степени, как во время военных действий, так и в мирное время, во время испытаний многочисленных его изобретений. Известно, что Шильдер увлекался спиритизмом.

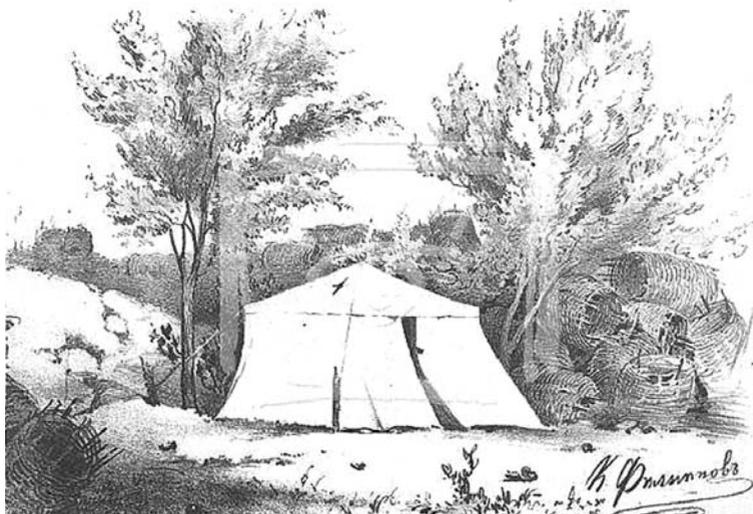
Испытания подводной лодки были признаны успешными, но требовался ряд серьезных доработок, которые при существовавшем техническом уровне были невозможны. Подводная лодка Шильдера была гениальным, но преждевременным изобретением.

В 1840-е годы Шильдер занимался т.н. трубной системой оборонных крепостей с использованием ракет и взрывного способа прокладки траншей. Работа сапёров должна была стать менее опасной и трудоёмкой, более эффективной. Испытания проходили в Красном Селе.

В начале Крымской войны К. А. Шильдер находился в Варшаве в качестве начальника инженеров действующей армии в Царстве Польском. Предстояло штурмовать крепости, и он «был прислан в армию» [22, с. 531]. «Наконец мои желания исполнились: по высочайшему повелению, я отправляюсь в Букарест, и мне опять удастся подвизаться на бранном поле с турками», – писал он семье 6 января 1854 года [23, с. 716].

Еще в Варшаве, накануне отъезда на фронт, Карл Андреевич принял православие с именем Александр [22, с. 5].

Действия русской армии на Дунае возмутили Шильдера, он указывал на ошибки, требовал принять его план действий для победы над «пестрой толпой наших неприятелей». «...Если бы я имел власть всем распоряжаться, без необходимости сперва рассуждать, спорить, браниться и ссориться, часто исправляя уже испорченное, и т.д», – сокрушался генерал [23, с. 723]. Горчаков пытался урезонить подчиненного: «Дорогой генерал! Я вас люблю, уважаю и боготворю; ...но заклинаю вас именем всех святых, предоставьте мне командовать войсками по моему усмотрению». Столкновения носили такой яростный характер, что Шильдер даже опасался своего отстранения от дел [23, с. 728].

*Опустевшая палатка К.А. Шильдера в траншеях под Силистрией.
Июнь 1854. Гравюра*

В феврале 1854 года у крепости Руцук была уничтожена турецкая флотилия, за что Шильдер получил личную благодарность и заверение в благосклонности от императора Николая I [23, с. 728].

Переправа войск на правый берег Дуная у Браилова в марте 1854 года была редкой удачей. Генерал Шильдер был организатором этой операции, за что получил свою последнюю награду – алмазную звезду св. Александра Невского [17, с. 18].

21 апреля Карл Андреевич сообщает семье: «Теперь мы находимся вблизи тех самых стен, которые я взорвал четверть столетия тому назад, причем крепость была взята без штурма и кровопролития. Надеюсь, наконец, приступить к тому же самому через несколько дней». Речь шла о крепости Силистрия, неудачная осада которой началась в мае.

На «патриотизм, талант и искусство» Шильдера надеялись многие. Архиепископ Херсонский Иннокентий прислал генералу из Одессы икону Божьей Матери «на благословление и в знамение победы над врагами креста Христова» [23, с. 724].

1 июня генерал был ранен во время осмотра работ по подготовке взрыва крепостных укреплений, произведённых сапёрами. Сохранился текст письма семье, собственноручно написанного Карлом Андреевичем на следующий день после операции, 3-го июня.

«Взорвав несколько прекрасных мин, в числе стольких жертв, принес и я свою лепту злой судьбе. Турецкая пуля выгнала польскую, поэтому правая нога стала еще хуже. Я приказал докторам отрезать эту дрянь и в десять минут времени операция благополучно совершилась.

Я чувствую себя так хорошо, как ни в чем не бывало: лихорадка незначительна, сплю как нельзя лучше, все жизненные отправления не нарушены, так что доктора дивятся моим телесным и душевным силам» [23, с. 726].

Операцию по ампутации ноги под хлороформом 69-летний генерал перенес, но началось заражение крови. 11 июня 1854 года Карл Андреевич умер. Перед смертью он продиктовал письмо семье, и каждому из детей отдельную записку с благословлением.

Еще не зная о кончине генерала, император Николай I писал ему: «Давно хотел я сам сказать тебе, любезный Шильдер, как я огорчен был известием о твоей тяжкой ране. Давно ценя тебя, я был уверен, что и в настоящую кампанию ты молодецки, как всегда, исполнишь свое дело. В уничтожении турецкой флотилии, в быстрой постройке мостов для перехода через Дунай, в осадных под Силистрией работах, я вполне узнал моего старого сослуживца и свойственную ему бойкость и опытность. От всей души спасибо тебе за эти новые заслуги. Если успех не увенчал наших усилий, трудов и пожертвований, то, сожалея со мною о необходимости на время отложить начатое, утешайся мыслью, что ты все сделал, что только от тебя зависит для достижения цели. Я же, между прочими потерями, искренне жалею, что лишился твоего содействия, когда мне и России нужны тебе подобные. Но Бог милостив! Он поможет тебе и нашему правому делу. Напиши мне, как себя чувствуешь, и береги себя» [21, с. 736].

Письмо не было отправлено, так как пришло известие о смерти К. А. Шильдера. Император в это время находился в Петергофе, там же на Бабьегонских высотах располагался лагерь гвардейских саперов. Николай лично объявил саперам о тяжелой утрате и приказал отслужить в лагере в своем присутствии панихиду по усопшему.

Траурная процессия с гробом командующего батальоном, военного инженера, генерал-адъютанта Николая I Карла Андреевича Шильдера, перевозимым с Царскосельского вокзала в батальонную церковь. 31 октября 1911 года.

Фото ателье К. Буллы. Из фондов ЦГАКФД СПб

13 июня 1854 года К. А. Шильдера похоронили на погосте церкви Св. Николая в городе Калараше, рядом со свежей еще могилой генерала Сельвана и вблизи могилы князя Прозоровского, убитого в 1829 году. Воля покойного о захоронении его на родине не была исполнена «в виду отхода войск» [8, с. 19].

В ходе подготовки к столетнему юбилею лейб-гвардии Саперного батальона 12 июня 1911 года «последовало Высочайшее соизволение на перевезение в Россию и 29 сентября того же года – на погребение в Петербурге, в церкви Лейб-Гвардии Саперного батальона во имя Космы и Дамиана, праха знаменитого первого боевого командира Гвардейских Сапер Генерал-Адъютанта Карла (в православии Александра) Андреевича Шильдера» [8, с. 5].

1(14) ноября 1911 года газета «Петербургский листок» сообщила, что в столицу Российской империи из Румынии прибыл специальный поезд, который доставил гроб с прахом генерал-адъютанта

К. А. Шильдера. «Останки этого героя, похороненного в Калараше, были извлечены из могилы и доставлены в Петербург. У вокзала построился л.-гв. саперный батальон в полном составе с двумя знаменами и хором музыки» [19].

На вокзале поезд встречали великий князь Олег Константинович, высшие офицеры петербургского гарнизона, родственники покойного. Фотографии из архива кино-фото-фоно-документов [24] сохранили для истории вид траурной процессии, которая проследовала под звуки похоронного марша с Царскосельского вокзала в церковь лейб-гвардии Саперного полка свв. Космы и Дамиана¹⁰. «После заупокойного богослужения саперы опустили тело в могилу в самой церкви. Гроб прикрывает тот крест, что был над могилой героя в Калараше в Румынии» [19].

* * *

«...одно поколение сменилось другим, и все труды генерала Шильдера для усовершенствования отечественного инженерного дела изгладились из летописи науки. Забыли, кому обязаны введением гальванизма для воспламенения минных зарядов, оказавшегося столь полезным при обороне Севастополя; изгладилось в то же время из памяти – кому принадлежит в России честь первого опыта подводного плавания, основанного на рациональных началах, и введение подводных мин, как существенного средства для приморской обороны; забыли также, кто поддерживал у нас до севастопольского погрома, с редкою энергией, военно-научное направление саперного дела», – еще в 1875 году писал с огорчением в очерке, посвященном отцу, Николай Шильдер. Правда, на следующей странице Николай Карлович признавал, что работы отца были так засекречены, что не могли быть известны не только иностранцам, но и русским военным специалистам.

¹⁰ Церковь находилась в центре квартала, ограниченного с севера Фурштатской улицей, с юга – Кирочной, с запада – Воскресенским проспектом (сейчас – проспект Чернышевского), а с востока – Космодемьянским переулком (сейчас – Мелитопольский), на котором ныне находится комплекс школьных зданий, в том числе и школа № 183.

Справедливость требует, чтобы память о боевом генерале и изобретателе К. А. Шильдере была увековечена в памятнике или мемориальной доске, установленной на стене одного из домов, где жил Карл Андреевич и его семья. Адреса известны: ул. Моховая, дом 30 [10, с. 146] и ул. Маяковского, дом 43 [11, с. 303]. Возможное место установки мемориальной доски – казармы Сапёрного батальона. Еще одно место неразрывно связано с родом Шильдеров – то, где стояла церковь свв. Косьмы и Дамиана, за павильоном станции метро «Чернышевская».

Уверены, что нас поддержат ныне живущие потомки Карла Андреевича Шильдера.

Список использованной литературы и источников

1. Академик: словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [<http://dic.academic.ru/dic.nsf/biograf2/14216>]
2. *Аллер С.И.* Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга с планом и таблицей пожарных сигналов... на 1823 г. – СПб.: Типография Департамента народного просвещения, 1822. - 663 с.
3. *Антонов В.В.* Святыни Петербурга : ист.-церков. энцикл. / В.В. Антонов, А.В. Кобак. – СПб.: Издательство Чернышева, 1996. – 328 с.
4. Биография.ру: биографическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://biografija.ru/show_bio.aspx?id=137044].
5. Виртуальный музей графики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [<http://grafika.ru/catalog/s16660/e113263>].
6. Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохранённое. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 250-летию Достопамятного зала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.artillery-museum.ru/files/File/6c8349cc7260ae62e3b1396831a8398f.pdf>
7. *Веремеев Ю.Г.* Лейб-гвардии Саперный батальон : очерк истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.saper.etel.ru/index-history.html>.
8. *Воронин В.Е.* Польское восстание 1830–1831 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/35331.php>.

9. *Габаев Г.С.* Гвардейскому саперу на память о герое командире генерал-адъютанте Шильдере. – СПб., 1911. – 21 с.
10. Генеалогическая база знаний: персоны, фамилии, хроника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://baza.vgd.ru/1/37718/>.
11. *Дубин А.С.* Моховая улица /А.С. Дубин, Л.И. Бройтман. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 346 с.
12. *Дубин А.С.* Улица Маяковского. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. – 303 с.
13. *Дубин А.С.* Фурштатская улица. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 430 с.
14. *Дьяконов Ю.П.* Карл Андреевич Шильдер – пионер гальванических мин в России (1785–1854 гг.) (Биографический очерк) [Электронный ресурс]. – СПб, 2004. – Режим доступа: http://www.rgavmf.ru/lib/diakonov_shilder.pdf.
15. *Жерихина Е.И.* Литейная часть. От Невы до Кирочной. 1710–1918. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 411 с.
16. Краткое описание Депо карт. – СПб.: Медицинская типография, 1816. – 14 с.
17. *Кобак А.В.* Исторические кладбища Петербурга / А.В. Кобак, Ю.М. Пирютко. – СПб.: ЗАО Центрполиграф, 2009. – 779 с.
18. *Мазинг Г.Ю.* Карл Андреевич Шильдер. 1785– 1854. – М.: Наука, 1989. – 128 с.
19. *Мазюкевич М.* Жизнь и служба генерал-адъютанта Карла Андреевича Шильдера. – СПб., 1876. – 420 с.
20. Петербургский листок. – 1911. – 1(14) нояб. – № 300.
21. Русская Императорская Армия. Лейб-гвардии саперный батальон – интернет-справочник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regiment.ru/reg/I/E/1/4.htm>.
22. *Суворков П.* Проспект Чернышевского. – СПб.: Белое и черное, 1999. – 125 с.
23. *Шильдер Н.К.* Карл Андреевич Шильдер. 1785–1854 // Русская старина. – 1875. – Т. 14. – № 11. – С. 518.
24. *Шумков А.А.* Дворянский календарь. – СПб, 1997. – Т. 2.
25. Электронный каталог ЦГАКФФД СПб [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [<http://www.photoarchive.spb.ru>].
26. Энциклопедия Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [<http://www.encyspb.ru/article.php?kod=2805400357>].
27. GenBase – магазин генеалогической информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://genbase.ru/search_person.